

Герцог Арвендейл

Автор:

Роман Злотников

Герцог Арвендейл

Роман Валерьевич Злотников

Арвендейл #2

Северные варвары называют Арвендейл Землей мертвых героев. Этот мифический майорат известен еще и как Гиблая пустошь. В любом случае в империи людей все уверены, что добраться туда через Проклятый лес невозможно, а иного пути нет. Но Трой Побратим, одержавший победу в Большом императорском турнире и получивший формальный титул барона Арвендейла, собирается стать настоящим сеньором – ведь его вассалам наверняка нужны помощь и защита от орочьих набегов, от варгов, от... Кто знает, с какой угрозой может столкнуться человек НА ТОЙ СТОРОНЕ...

Роман Злотников

Герцог Арвендейл

Пролог

– Эй, староста!

Староста кузнечного конца Маркел выпрямился, опустил топор и, приложив ладонь ко лбу, посмотрел вверх, откуда раздался возглас. Похоже, Парбой-вьюн, парнишка мелкий и не шибко сильный, однако смысленый и шустрый, снова

оправдал свою славу самого востроглазого дозорного. Сейчас он висел на ветке вниз головой и, глядя на старосту, указывал рукой в сторону недалей опущи:

– Чужаки!

Мужики побросали топоры и быстро разобрали оружие: кому достались щиты и рогатины, а кто-то сноровисто доставал из-за пояса меч или саблю. Чужаки здесь означали только одно – пришли враги. Староста воткнул с размаху топор в дубовый ствол, вскинул на плечо привычный двуручник и, заняв свое место в строю, поднял голову, чтобы лучше видеть дозорного.

– Орки бо Темные?

– Не-а, – удивленно протянул дозорный, – я щас. – Он сел на ветку и, хватаясь за ствол цепкими пальцами, ловко и быстро вскарабкался на пару локтей выше. – Вроде как люди...

– Люди... – Староста удивленно качнул головой. С людьми в Теми дело обстояло строго. Все свободные поселения староста знал наперечет. О каждом отряде, отправляющемся в гости или по торговому делу, заранее извещали по Слуховым камням, так что никаких людей в округе быть не должно. Ежели только это не отряды воинов из соседних Хольмворта или Товарона, следовавшие куда-то помимо Калнингдайма. А что, вполне могло быть, что ребята нарвались на засаду орков и вынуждены были прорываться с боем куда повезет...

– Эх ты! – слышался сверху удивленный возглас дозорного.

– Чего там? – живо отозвался староста.

– Да там не токмо люди. С ними навряде как эти, ну из сказок, что ли... которые зовутся «гномами» и «эльфами»... и ишшо они навряде как посеченные все. Еле идут.

– Гномы, эльфы... – староста поразился. Нет, в Теми таковых не водилось уже почитай... Он замер, пронзенный внезапной мыслью, а затем вскинул голову и взволнованно спросил:

– Откуда они идут?

– А прямо от Проклятого леса!

Услышав эту новость, все мужики, уже привычно сбившие «ежа-щитоносца» (супротив Темных ничего, кроме такого строя, не помогало, да и против орков он был надежной защитой), возбужденно загомонили. Весть о том, что кто-то мог появиться из самого Проклятого леса, казалась совершенно невероятной. Староста на мгновение задумался, а затем повернулся к мужикам:

– Здеся стойте, – и двинулся в сторону опушки.

Пришельцев было семеро. Пятеро было людьми, шестой действительно гномом (во всяком случае, староста по старым рисункам представлял их именно так), а седьмой очень напоминал эльфа, только сильно изможденного. Он единственный из шестерых не нес никакого груза. Эльф двигался последним, еле-еле передвигаясь на заплетающихся ногах, держа в руках лук и смотря в сторону Проклятого леса. В колчане на боку сиротливо болталось с полдюжины стрел. Трое чужаков волокли раненых. Первый – высокий светловолосый воин тащил на себе другого, окровавленного и потерявшего сознание. Голова и плечи раненого были замотаны несвежими тряпицами, а тяжелый гномий арбалет касался земли, так как обессилевшие руки не могли крепко держать его. Второй, не уступавший первому в росте и, по-видимому, в силе тоже, имел простоватое крестьянское лицо, он волок на себе человека странного типа, с необычной прической в виде двух косиц у висков. Последние двое – гном и еще один наемник – шли рядом, обхватив друг друга за плечи, так, что было не совсем понятно, кто кого тащит. Видимо, гном думал, что он тащит наемника, а наемник – что он тащит гнома. Но это было не важно. Судя по всему, эти действительно прошли сквозь Проклятый лес! У старосты екнуло сердце. «Неужели там, за Проклятым лесом, еще остались люди и... остальные светлые расы!» – подумал он. Это было невероятно!! Он шагнул вперед.

– Эй, люди!

Реакция на его окрик была вполне предсказуемой. Дюжий наемник со светлыми волосами мгновенно сбросил свою ношу на землю и выхватил меч. Крестьянин замешкался, аккуратно укладывая свою ношу на землю, но тоже с суровым видом перехватил изрядно зазубренный двуручник. Гном и тот наемник, на

которого он опирался, мгновенно отпрянули друг от друга и обнажили клинки. Но первым отреагировал эльф, резко развернувшись он натянул лук. Причем жало его стрелы было направлено не на старосту, а точно в то место, где за листвой прятался Парбой.

Староста вскинул руки:

– Спокойно... спокойно. Я не враг.

Обессиленная команда пару мгновений разглядывала его, затем светловолосый, судя по всему вожак, опустил меч и удивленно прошептал:

– Люди...

Староста кивнул:

– Ага. Мы из Калнингхайма. Наше поселение самое восточное в Теми. – Он замолчал, давая прибывшим время, чтобы переварить полученную информацию, и тихонько продолжил: – А вы никак с той стороны?

– Чего? – не понял вожак наемников.

– Ну... из-за Проклятого леса.

Вожак несколько мгновений удивленно смотрел на него, потом его глаза расширились, и он как-то так осторожно спросил:

– Значит, мы уже на этой?

Староста кивнул:

– Ну да.

Услышав этот ответ, тот наемник, что стоял рядом с гномом, пошатнулся и в следующее мгновение обессилено рухнул на землю, громко выдохнув:

– Прошли...

До Калнингдайма они добрались уже к закату. Конечно, по совести, стоило закончить все дела и прямым ходом двинуться домой, парням явно необходима была помощь лекаря и просто отдых, но с другой стороны, дрова в Калнингдайме уже почти закончились, да и со строевым лесом тоже становилось тяжело, а две западные башни надо было срочно поправлять, да и ворота после последнего набега были отремонтированы кое-как, из того, что было. А когда еще дождешься такого дня, когда и солнце, и Рунный посох развернут в полчетверти, и ветер с юго-запада как раз в четверть платка, так что вероятность, что к месту порубки принесет орков либо Темных, самая маленькая. Вот староста и отрядил Парбоя помочь пришельцам, а сам с мужиками вновь схватился за топоры.

К вечеру, нагрузив возы и волокуши, посадили пришельцев поверх стволов и двинулись домой. Оба самых слабых из пришлых людей к тому моменту слегка оклемались и пришли в себя. Оказывается, пришлые не умели снимать Окаянный морок. Слава богам, стая Мороковых варгов наткнулась на них едва ли не за лигу[1 - Лига – примерно километр.] от опушки, а из-за солнечного дня и поворота Рунного посоха Темным сегодня на открытый свет ходу не было. Вот те и смогли отбиться. Хотя... скажешь тоже, отбиться от стаи Мороковых... Да расскажи старосте кто вчера, что от Мороковых можно отбиться, он велел бы высечь наглеца, чтобы не мутил воду и не рассказывал враки. А сегодня, вишь, прикидывает – повезло, мол, Посох повернут, опушка близко... Да-а, видно, знатные бойцы собрались. Это ж только представить – Проклятый лес пройти! Староста вздохнул. Вот только что за нужда этих людей через Проклятый лес понесла. Как бы худа не было...

За лигу до ворот староста послал вперед Парбоя, предупредить, что возвращаются не одни, а с гостями, так что когда они въехали в ворота, их встречал весь Калнингдайм. Дети, бабы, воины дружины толпами стояли вдоль улицы, из окон высывались головы любопытных, свешивались между зубцов башен заинтересованные сторожевые. Вожак, из гордости отказавшийся влезть на подводу и шедший на подгибающихся от усталости ногах рядом со старостой, удивленно покачал головой:

– Никогда не думал, что здесь живет столько людей.

Староста пожал плечами:

– Калнингдайм еще не самое крупное поселение в Теми. Нильмогард или Хольмворт поболее будут.

– В Теми?

– Ну да, – кивнул староста, – так мы зовем нашу землю – Темь. – Он на мгновение задумался, а затем спросил: – А как вы их называете, там, за Проклятым лесом?

– Мы? – Вожак пожал плечами. – Сказать по правде, большинство никак не называет ваши земли. Там, у нас, никто не думал, что здесь еще могут оставаться люди. Мы считали, что все погибли, еще тысячу лет назад.

– Тысячу... – староста усмехнулся, – во время Великой тьмы, значит. Да уж... – он покачал головой, – страшные были времена, – да только род человеческий изничтожить не так-то просто. У нас вот здесь почитай четыре сотни дворов, да в Нильмогарде и в Хольмворте за шесть сотен в каждом, ну и еще десятка два поселений от двух до трех сотен наберется. Так что всего тысяч тридцать народу. И никаким оркам или Темным нас здесь не взять.

Вожак бросил взгляд на стоящих вдоль улицы людей, крепких, приземистых, с обветренными, открытыми лицами и заскорузлыми от работы руками и понимающе кивнул.

У торговой площади возы, на которых осталось двое лежащих, свернули налево, к кузнечному концу, а остальных пришельцев, с почетом и заботой, сопроводили к ратуше, на пороге которой уже выстроились с полдюжины мужчин. Судя по их важному виду, это были самые знатные и уважаемые люди Калнингдайма. И спустя мгновение староста Маркел подтвердил это:

– Позвольте вам представить главу Совета Калнингдайма – олдермена Титуса...

Мужчина, стоявший чуть впереди остальных в добротной, но какой-то слишком уж старомодной одежде, выступил вперед и важно поклонился. Трой, так звали воина, поклонился в ответ, подумав, что его больше бы устроил лекарь, обильный ужин и кровать. Однако гном и идш успели его достаточно вышколить, чтобы он понимал, что благородный человек умеет подчинять свои желания своим обязанностям, а то, что другие зачастую называют искренностью

и непосредственностью, на самом деле чаще всего является всего лишь безволием и инфантильностью, простить которые можно только совсем малым детям или людям, коих боги обделили разумом и достоинством.

– ...а также остальных членов Совета – мастера Илхья, старосту кожевенного конца, мастера Аболата, главу медников, мастера Кая Игласа, старшину объездчиков, мастера...

Наконец представление членов Совета Калнингдайма окончилось.

Трой поклонился в ответ и представился сам:

– Я – Трой... Трой-побратим. Мы, с моими спутниками, прибыли в вашу землю из самого Блистательного Эл-Северина, столицы империи людей.

Трой замолчал. Пару мгновений над площадью висела звенящая тишина, а потом из сотен глоток вырвался изумленный вопль...

Слава богам, на этом церемония встречи и закончилась. Их сопровождали в довольно просторный дом (похоже, таверны в этих землях предназначались всего лишь для того, чтобы промочить горло и поболтать), где всех осмотрели лекари, подогрели воду для мытья и накормили обильным ужином.

Когда последний из местных жителей, ухаживающих за изнуренными гостями, покинул дом, гном задумчиво почесал крюком затылок и произнес:

– Кто бы мог подумать...

Трой только молча кивнул, они обменялись понимающими взглядами и... дружно промолчали. Хотя он еще не слишком давно вращался так сказать, в высших сферах, но у него были слишком хорошие учителя, так что он уже успел проникнуться уважением к утверждению о том, что и у стен бывают уши. Да и для серьезного разговора информации пока было слишком мало. Так, больше для охов и вздохов, мол, вот оно как...

На следующий день, ближе к полудню, на пороге дома появился гонец, крепкий парень в прочной кожаной одежде, каковая в империи вполне могла бы

считаться легким доспехом, а здесь, похоже, была чем-то вроде повседневного платья. Парень был рыж, конопат, а его огненные вихры торчали во все стороны. Вежливо постучав и учтиво поклонившись, он сверкнул белозубой улыбкой и спросил:

– Позволено ли мне будет осведомиться, как самочувствие наших гостей?

Трой, оценивший то, что вчера их решили не беспокоить вопросами, ответил не менее учтивым поклоном:

– Благодарю достойных людей Калнингхайма. Мы чувствуем себя достаточно хорошо.

Гонец вновь вежливо поклонился и торжественно произнес:

– В таком случае, Совет Калнингхайма приглашает вас в два часа пополудни на званый обед.

Гном, уже успевший с утра умять здоровенный кабаний бок, как обычно сопроводив сей процесс ворчанием, что и соль-де здесь какая-то горьковатая, и бок слишком пережарен, довольно крикнул. И едва дверь за гонцом закрылась, с победным видом развернулся к Трою:

– Ну что я тебе говорил? А ты всё: зачем мне парадный камзол, зачем парадный камзол?

Трой хмыкнул:

– Да толку-то, всё одно все вещи сгинули...

– Ну и что? – ничуть не смутился гном. – Главное, что я был прав, и твой камзол тебе сейчас очень бы пригодился...

Обеденный стол был накрыт в большом зале ратуши, украшенном довольно ветхими, но чрезвычайно искусно выполненными гобеленами. Несмотря на то что нити на них истончились до такой степени, что сквозь материю просматривались стены, а краски слегка потускнели, было видно, что ткали их

великие мастера. Во всем остальном убранство залы было простым и даже безыскусным.

Первый час хозяева изо всех сил соблюдали приличия, потчуют гостей и возглашая заздравные тосты, затем местное ягодное вино (ну откуда в западных лесах мог появиться виноград?) сделало свое дело. И хозяев прорвало...

Первый вопрос задал как раз тот самый рыжий парень, что исполнял роль гонца. Он сидел почти напротив гостей, усаженных на коротком конце столов.

– А много ли людей выжило по ту сторону Проклятого леса?

Трой отставил кубок, утер рукой рот и посмотрел на задавшего вопрос.

– Точного числа я не знаю, но в империи двадцать девять провинций, да еще пределы... в каждой провинции по городу-столице. Во всех я не был, но те, в которых был, раза в три-пять больше Калнингдайма. А Фартериско, главный торговый порт империи, тот больше раз в двадцать. Кроме того, говорят, что в некоторых провинциях есть города помимо столиц, например в Ильмере, ну а сама столица Эл-Северин – огромна. У нее три каменных стены, а сколько живет там народу... – Трой покачал головой, – мне кажется сто тысяч... а может, и поболее.

Все присутствующие удивленно загомонили. А мастер Кай Иглас, старшина объездчиков, возбужденно жажнул кулаком по столу:

– Так что же они до сих пор Проклятый лес не вычистят? Совсем о нас забыли?

Трой подождал, пока гул голосов немного поутихнет, а затем осторожно заметил:

– А там никто не знает, что здесь тоже выжили люди. Арвендейл считается древней легендой и... – Тут Трой оборвал речь, заметив, как за столом отчего-то прекратились все разговоры. Вожак наемников недоуменно покосился на гнома, вроде как он не сказал ничего такого, что могло бы быть воспринято столь напряженно, но гном тоже недоуменно вскинул бровь. Спустя несколько мгновений олдермен вкрадчиво произнес:

– Как ты назвал Темь, уважаемый гость?

Трой поколебался, но отступить было некуда.

– Дело в том, уважаемый мастер Титус, что в империи эти земли носят название Арвендейл.

Ольдермен задумчиво кивнул, и над столом вновь повисла тишина. Все присутствующие упорно пялились в свои тарелки, стараясь не встречаться взглядами ни с гостями, ни друг с другом. Трой быстро переглянулся с остальными. Эльф сидел слегка отвернувшись и разглядывал гобелены на стене, остальные либо пожимали плечами, либо скорчили рожи, означавшие, что сами ничего не понимают. Молчание затягивалось, и Трой решил, что поскольку он, по-видимому, сделал что-то ввергшее хозяев в смущение, то не худо было бы выяснить, в чем он провинился.

– Я прошу прощения, если сделал или сказал то, что каким-то образом оскорбило ваши чувства, но не мог бы уважаемый мастер Титус пояснить мне, в чем состоит моя ошибка?

Олдермен вздохнул и поднял глаза на Троя.

– Дело в том, уважаемый гость, что эту землю здесь уже давно никто не называет... Арвендейлом. Арвендейлом звалось герцогство, в котором свободно и счастливо жили в согласии друг с другом люди, Высокие и Могучие. А когда на землю опустилась Великая тьма – герцогство сгнуло бесследно.

Олдермен опять вздохнул и продолжал:

– Мы не знаем, что случилось ни с Высокими, ни с Могучими. Войско герцога напрасно ждало их дружины на Поле Косарей, что простиралось перед замком. Но, после того как орды орков и создания Тьмы ушли дальше на восток ни из Крадрекрама, ни из Эллосиила не появилось ни одного гнома или эльфа, врагу удалось разъединить наши дружины и разбить наше войско поодиночке. С тех пор в Теми не видели ни Могучих, – олдермен учтиво склонил голову в сторону гнома, – ни Высоких.

Следующий поклон предназначался эльфу, но тот все так же с интересом разглядывал гобелены.

По лицу олдермена пробежала тень, но только лишь пробежала. Он повернулся к Трою и задал вопрос, который, наверное, хотел бы задать каждый, кто сидел сейчас за этим столом, да и остальных жителей Калнингхайма этот вопрос волновал не меньше:

– А не мог бы наш уважаемый гость рассказать, что побудило вас пуститься в столь опасный путь?

Трой бросил взгляд в сторону гнома, но тот с безразличным видом пялился в окно, идш, как и стрелок, остались дома, эльф окончательно увяз в изучении гобеленов, а остальные глаза за этим столом были направлены на него.

Трой поднялся, мгновение помедлил, затем поклонился всем присутствующим и громко произнес:

– Дело в том, что волей императора и решением Совета пэров мне вручена корона и грамота барона Арвендейла, и я прибыл сюда, дабы узнать, что из себя представляют эти земли и что я могу сделать для их процветания и защиты.

На этот раз тишина за столом стала звенящей. Люди перестали не только жевать, но и даже шевелиться. Кто замер с ложкой, поднесенной ко рту, кто с кубком у самых губ, кто с платком, почти коснувшимся лба. Даже эльф, пораженный наступившей тишиной, отвлекся от созерцания гобеленов и окинул зал недоуменным взглядом. Минуту ничего не происходило, а затем мастер Титус выдохнул:

– Это... требует созвать Большой Совет.

Часть I

Дорога на запад

Глава 1

Первый шаг

– Ну что, трясешься?

Трой нервно оглянулся. Ну конечно, чего еще дождешься от этой ехидной рожи? Гном стоял у колонны, ухмыляясь во весь свой широченный рот. Трой сердито нахмурил брови, но затем поежился. Его действительно слегка трясло. Гном стер с лица ехидную ухмылку и вздохнул:

– А оно тебе надо?

Трой зло оскалился:

– Не начинай!

– Да я что... я ж ничего не говорю, – неожиданно покладисто ответил гном. А затем сварливо добавил:

– Только вот остаток своих дней можно было бы потратить с большим толком и удовольствием.

– Я никого за собой не зову.

– Да ты что? – удивился гном. – Ты это серьезно? То есть ты попрешься через Проклятый лес, а мы можем остаться здесь и спокойно без тебя наслаждаться жизнью. Ты так это себе представляешь, побратим?

Трой скрипнул зубами. Все верно, если он, как сказал гном, попрется через Проклятый лес, то его побратимы пойдут вместе с ним. Но он не мог отказаться от этого похода...

Все началось после того разговора с герцогом Эгмонтером.

Когда Трой вернулся к столу, его было не узнать. Он бухнулся на лавку, сгреб кружку с каким-то питьем и опрокинул его в себя. Как оказалось, это был бар-дамар. Трой шумно сглотнул, бухнул на стол пустую кружку, пару секунд посидел, смотря в одну точку, а затем глухо произнес:

– Еще.

Гном покосился на окружающих, затем осторожно взял кувшин с бар-дамаром и плеснул в кружку. Вообще-то считалось, что люди бар-дамар пить не могут, потому что когда этот напиток попадал в глотку человека (а также эльфа или кого еще, кроме гномов) у того сразу перехватывало дыхание, потом его прошибал пот, пищевод охватывала судорога, а затем все содержимое желудка извергалось наружу мощным фонтаном. И это была совершенно естественная реакция. Те немногие, которым довелось попробовать бар-дамар, клялись, что более тошнотворного поила и представить себе невозможно... Но Трой снова сгреб кружку и залпом выпил содержимое. А затем с грохотом бухнул кружку на стол и вопросительно посмотрел на гнома:

– Ты знал?

Гном молча ухватил кувшин с бар-дамаром, плеснул его в ту же кружку и неторопливо, со вкусом, выцедил. После чего поставил кружку на стол и в упор посмотрел на Троя:

– Ну и что?

Трой несколько секунд буравил гнома горящим взглядом, но тот был невозмутим.

– Почему ты мне не сказал?

– А что это изменило бы? Ты бы видел себя тогда. Ты решил, что будешь участвовать. Ты участвовал. Ты выиграл. Ты – барон. И что еще тебе надо?

– Мне надо... мне надо... – Трой яростно тряхнул головой, но так и не закончил фразы. Его наконец-то проняло, и он согнулся, вцепившись в живот...

Откашлявшись, Трой, которому удалось-таки не опорожнить желудок прямо под нос всей честной компании, вновь повернулся к гному:

– Я хотел стать настоящим бароном.

– То есть? – делано удивился тот. – Ты хотел повесить себе на шею тысячи крестьян, по воскресеньям выслушивать их бесконечные жалобы, разыскивать скот, разбирать нудные и нескончаемые межевые споры, собирать подати, сгонять людей на ремонт дорог и мостов... ты этого хотел?

Трой открыл рот и... шумно выдохнул, так и не найдя что сказать. Гном вновь глотнул бар-дамара и продолжил:

– Мне казалось, что ты хотел другого – стать ровней своей Ликкете. И ты таки стал. Чего же тебе еще надо?

Трой упрямо мотнул головой:

– Я должен выяснить, что с моей землей!

– С какой землей?

Трой набычил голову:

– С Арвендейлом.

– Что-о? – глаза гнома округлились. – Нет, вы только посмотрите, люди добрые! Нам... жить надоело! Мы к Темным богам торопимся, аж сил нет!

– Подожди, – прервал гнома идш, – ты толком скажи – о чем вы тут ругаетесь? Может, и другим понять хоца!

– Дело в том, – обрадованно повернулся к нему гном, – что другое, более известное среди людей, название Арвендейла звучит так: «Гиблая пустошь».

– Эх ты!! – охнул Арил. – Вот это да-а... подарочек, мать его...

– Вот то-то, – наставительно произнес гном, – а наш юный друг собирается съездить проведать. – Тут он сделал паузу и закончил максимально ерническим тоном: – как там его земля...

Вечер кончился тем, что Трой вдрызг разругался с побратимами...

С дальнего конца анфилады комнат, ведущих к высоким двустворчатым дверям Палаты пэров, слышались громкие цокающие звуки, каковые обычно издают подковы кавалерийских сапог. Трой нервно дернулся. Похоже, приближался кто-то из тех, для кого и был построен этот зал.

– Не дергайся, – строго произнес гном, – ты теперь ничем не хуже, чем они. И пришел сюда как раз за тем, чтобы вступить в свои права.

Трой досадливо нахмурил лоб и пробурчал:

– Да знаю я...

Но тем не менее напряженности в его позе отнюдь не убавилось.

Шаги приближались.

Наконец из распахнутых дверей, звонко цокая подковами, показался высокий мужчина в щегольском камзоле бирюзового цвета, украшенном богатой вышивкой. На его сапогах были надеты простые золоченые шпоры без новомодных украшений. Увидев Троя, он остановился, положил руку на эфес богато украшенной парадной шпаги, окинул Троя высокомерным взглядом, а затем вдруг улыбнулся и чуть склонил голову в легком поклоне:

– Барон Арвендейл рад приветствовать вас.

После чего повернул голову и столь же высокомерно-величаво проследовал далее, скрывшись в распахнутых дверях Палаты пэров.

– Хм... – задумчиво произнес гном, проводив его взглядом, – а ты сбил с него спесь. Но не слишком-то обольщайся. Возможно, он и проголосует за выдачу

тебе верительных грамот, вот только я не я, если он не будет против увеличения «майоратного срока».

Трой задумчиво кивнул. Его поединок с графом Шоггир был третьим по счету. Предпоследним. Сначала он дрался с бароном Грондигом...

Барон вышел на поединок с безвестным простолюдином, поигрывая тяжелым двуручным мечом так, будто это был обычный клинок, ну или, в лучшем случае, не слишком тяжелый «полуторник». Трибуны встретили его одобрительным гулом, но не очень громким. В любимцах публики барон никогда не числился. И все из-за своего буйного нрава, неимоверной спеси и совершенно идшской жадности. Не одна дюжина трактирщиков блистательного Эл-Северина могла припомнить случаи, когда барон со своими людьми вваливался в заполненный публикой зал и, прицепившись к какой-нибудь мелочи, устраивал шумный дебош с дракой и битьем посуды. Впрочем, в столичных трактирах подобные инциденты были не так уж редки. Гораздо хуже барона характеризовало то, что наутро после этого, когда наступало время возмещать убытки и компенсировать синяки и шишки пострадавшим, барон принимался торговаться с истовостью базарной торговли, что уж совсем не пристало аристократу и владельцу домена. Но бойцом барон считался знатным, хотя, по мнению большинства присутствующих, до остальных участников турнира ему было далеко. Впрочем, для того чтобы «затоптать» какого-то «наглого простолюдинишку», особого мастерства не требовалось. Во всяком случае, так считало большинство зрителей, и потому его приветствовали еще и как будущего победителя. В принципе, вряд ли барон надеялся продержаться до конца этого турнира. В конце концов, это был Большой императорский турнир, а всем было известно, что маг из барона очень слабый, никакой, в общем, маг-то, но в Эл-Северине вряд ли нашелся бы хоть один дурак, готовый побиться об заклад, что барона не окажется среди участников. Спесь барона Грондига была известна всем и каждому. А для того чтобы продержаться схватку-другую с помощью покупных заклятий и амулетов, особого таланта не нужно. Особенно если противник попадется не очень сильный и так же участвующий в турнире скорее для того, чтобы поддержать свое реноме, чем дойти до финала. По большому счету шансы выиграть главный приз турнира были только у трёх-четырёх участников. Остальные боролись «ради чести». Так что, узнав, что по жребию его противником в первой схватке будет никому не известный простолюдин, которому взбрело в голову воспользоваться древним правом и попытаться вмешаться в спор достойнейших, Грондиг решил, что поймал удачу за хвост. Но

когда его противник появился на ристалище, у барона екнуло сердце...

Трой вышел из своего шатра легкой проходкой. Эльфийский плащ едва заметно колыхался на его плечах, легендарное Синее пламя казалось второй кожей, пусть и тяжелой (а что сделанное гномьими руками казалось людям легким?), но совершенно не стесняющей движения. Вряд ли среди зрителей нашлось бы более дюжины тех, кто мог узнать этот легендарный доспех, и уж тем более никому не пришло бы в голову, что плащ, лежащий на его плечах, соткали эльфы, но то, что это не простое оружие, поняли многие. Зрители просто зачарованно любовались молодым воином, одетым в такие красивые латы, что подошли бы и герцогу, а может, даже самому императору. Трой сделал десяток шагов и толпа зрителей сначала робко, отдельными криками, а затем все гуще и громче заревела, приветствуя молодого воина. Барон поспешно переложил меч в левую руку и начал лихорадочно ощупывать прихваченные амулеты. В принципе, он надеялся, что легко справится с первым противником, втайне радуясь тому, что может поберечь амулеты и дорогие заклинания для последующих схваток, которые ему представлялись более сложными, чем первая. И вот сейчас он внезапно потерял всю свою уверенность. А те амулеты, которые он собирался поберечь, так и остались в его палатке...

Трой вышел на середину ристалища и остановился, положив руку на эфес меча. На этот первый поединок он не стал надевать перевязь с Серебряным листом. Во-первых, они с побратимами решили, что негоже сразу же выкладывать на стол все свои козыри, а во-вторых, Трой был вполне уверен, что справится с бароном и без помощи легендарного меча. Более того, он хотел попробовать один вариант, который должен был при успехе принести ему любовь толпы и... несколько более обычного нервничающих противников в следующих поединках. Так что такой соперник, как барон, в первом поединке был для него тоже вроде как подарок судьбы. Хотя сам барон и считал себя великим мечником, но то, что Трой сумел разузнать о нем, и то, что увидел во время тренировочных боев, которые барон, рисуясь, частенько устраивал со слугами на Высокой площади Эл-Северина, где и были разбиты палатки участников, не вызывало у него особых опасений. Бои барона выглядели грозно, но Трой не раз подмечал, как натренированные слуги нарочито задерживали удар, испуганно вскрикивали, подходили на шаг ближе, чем было необходимо, и, картинно стоная, отлетали в сторону от не слишком-то удачного (по мнению Троя) удара барона. Барон Грондиг был силен, но не так уж быстр и ловок, чтобы считать его таким уж опасным бойцом. А магия... что ж, с этим придется повозиться. В отличие от дворян, Трой, как простолюдин, не мог применять даже покупные амулеты и заклятия. Единственно, чем он мог воспользоваться, это помощь наемного мага.

Один раз, за весь поединок. Или два раза за один-единственный поединок во время всего турнира. Поэтому эту возможность стоило поберечь и попробовать выкрутиться самому, сколь было возможно. Хотя идш ворчливо заявил, что это нечестно и он бы вполне мог прикрывать Троя и по десятку раз в каждом поединке. Потому что все эти так называемые маги-дворяне для него – тьфу. Пучок – пятачок.

Бой начался сразу. Стоило старшему глашатаю поднять бело-оранжевое полотнище, как барон воздел вверх амулет с ярко-лиловым камнем и прорычал заклятие. Из сердцевины амулета вырвался фаербол... обыкновенный фаербол вполне средних размеров. Трой усмехнулся и просто шагнул в сторону. Фаербол пролетел мимо и с треском разорвался на стриженном газоне ристалищного поля. Барон досадливо заревел и, воздев меч к небу, бросился на Троя, тот дождался, пока до барона останется пять шагов, а затем мягко скользнул вперед. Барон обрадованно зарычал и шарахнул своим двуручником прямо перед собой. Трой сделал шаг в сторону, и двуручник барона просвистел мимо, глубоко вонзившись в дерн. Молодой человек на мгновение замер, затем протянул руку и пару раз хлопнул барона по напрягшемуся загривку, затем шагнул назад, развернулся и двинулся к тому самому месту, где стоял в начале поединка, за все время этой схватки даже не попытавшись извлечь из ножен свой собственный меч...

Он так и выиграл эту схватку, не извлекая своего меча. Барон швырялся в него фаерболлами, неуклюже размахивал мечом, а Трой спокойно уклонялся, небрежно отбивал летящий вниз двуручник коротким ударом латной перчатки по боковому ребру, а один раз, когда барон по инерции подлетел чуть ближе, чем было нужно, опрокинул его на спину, всего лишь топнув ногой и грозно рыкнув ему в лицо. Барон отшатнулся и... упал навзничь прямо на мокрую от дождя траву. Наконец Трой остановился и, медленно развернулся в сторону барона, который с трудом вытащил свой двуручник, очередной раз вонзившийся в газон. И как раз в этот момент Грондиг, утирая лапешей пот, градом катящийся с его лица, на заплетающихся ногах двинулся в сторону Троя, несколько картинным жестом извлекая из-за пояса... радаганский нож. Меч юноши так и остался в ножнах. Барон на мгновение притормозил, на его лице промелькнуло выражение страха, но толпа, уже давно улюлюкавшая при каждом его замахе (и восторженно орущая при очередном промахе), вновь завизжала, заулюлюкала, засвистела... и барон с гримасой на лице отчаянно махнул двуручником. Меч привычно воткнулся в дерн. Трой ловко уклонился от удара и на этот раз шагнул вперед. Он легким движением захватил барона левой рукой за загривок, укрытый латной брамицей шлема, и приставил лезвие радаганского ножа к мясистому подбородку тяжело дышавшего барона. Пару

секунд он смотрел в ошалевшие от ужаса глаза владельца Грондига (это же был турнир, все по-настоящему, так что барон имел все шансы получить полфута доброй стали в глотку, а потом два месяца отхаркиваться кровью и поминать добрым словом магов-лекарей), а затем ме-е-едленно отвел руку с ножом и, повернувшись к ложе императора, галантно поклонился. Спустя мгновение старший глашатай взмахнул флагом, объявляя об окончании поединка, но его голос, объявляющий победителя, утонул в восторженном реве толпы. А чего было его слушать, и так все было ясно!..

В конце анфилады комнат вновь слышались шаги, на этот раз сопровождавшиеся мелодичным позвякиванием шпор. Такие звуки издавали только те шпоры, которые оканчивались маленькими зубчатыми колесиками. Они считались щегольскими. Трой напрягся. Звон шпор все приближался и приближался, и наконец из-за колонн показался владелец столь мелодичного атрибута. Это был граф Агилура. Второй соперник Троя...

Второй поединок был куда серьезней первого. Граф Агилура был муж достойный и умелый. Кое-кто даже был готов отнести его к тем счастливицам, которые имели шанс побороться за победу, причем так думали скорее те, кто знал графа только понаслышке. Потому как тем, кто знал графа ближе, было ясно, что его совершенно не интересует приз турнира.

Граф Агилура неспешной походкой шел к ожидавшему его Трою. Тот отвесил сопернику учтивый поклон (идш трое суток гонял, обучая). Граф, легко поклонившись в свою очередь, негромко произнес:

– Надеюсь, молодой человек, со мной вы не будете столь безжалостны, как с предыдущим противником.

– Нет, господин, – Трой вновь поклонился, – не говоря уж о том, что я никогда бы не рискнул вести себя таким образом с вами – я слышал о вас столь много заслуживающего уважения.

– Хм, – граф Агилура вскинул подбородок, – ваши речи довольно учтивы. Но не думайте, что мое сердце можно тронуть просто речами. Защищайтесь.

Меч графа вылетел из ножен. Трой обнажил свой. И на этот раз это был его старый полуторник из орочьего сплава. Клинки со звоном скрестились. Пару мгновений бойцы просто мерились силой, давя на мечи друг друга, но затем граф почувствовал, что его противник гораздо сильнее, а также и то, что он не хочет просто воспользоваться этим своим преимуществом. Мечи расцепились, и бойцы отшатнулись друг от друга.

– Неплохо, неплохо, друг мой, – произнес граф, а затем скользнул вперед. На некоторое время сражающиеся обменивались легкими маховыми ударами, очень красиво выглядящими со стороны, но не больно-то опасными для искусных бойцов, затем граф начал взвинчивать темп. Его удары утратили широкую амплитуду, стали более резкими, но гораздо более быстрыми и опасными. Трой уже дважды получал скользящие касания по левому наплечнику и в правую сторону кирасы, но они были скорее фиксацией его ошибок, чем действительной опасностью. Впрочем, и сам он жестким выпадом «отметил» левое колено графа, причем его удар, если бы он был нанесен в полную силу, был бы, пожалуй, намного более опасным. Дзинь-бум! Клинок графа змеей скользнул под левую подмышку, видно рассчитывая застать там мягкую кожу поддоспешника, но наткнулся на прочную кольчужную сетку, а Трой тут же вернул долг графу, наградив его жестким ударом наотмашь по левой стороне шлема. Шлем хрустнул и прогнулся. Граф легко отпрыгнул назад, разрывая дистанцию, и, опустив свой меч, провел перчаткой под шлемом. Когда он опустил перчатку, она была запачкана кровью.

– Да-а, молодой человек, признаю, вы неплохо владеете мечом. Можно узнать имя вашего учителя?

Трой отвесил легкий поклон.

– Его имя вряд ли вам знакомо. – Он заколебался, не зная, стоит ли рассказывать этому высокородному господину о своем учителе с дальней окраины мира, однако сотник Даргол, например, о нем слышал, да и Арил тоже. – Я знал его под именем Ругир.

– Ругир-убийца?! – Граф удивленно покачал головой и пробормотал: – Вот уж не думал, что хоть кто-то выжил после того похода... Что ж, мой юный друг, теперь я буду гораздо более осторожен с вами. Ученики подобного учителя заслуживают особого уважения.

Он отсалютовал ему мечом и вновь шагнул вперед... Трой встретил его выпад нижней третью клинка и, перекинув его лезвие влево, атаковал сам. Несколько мгновений лезвия мечей мелькали перед двумя воинами, создавая в воздухе сверкающую вязь, за которой едва могли уследить даже самые опытные из бойцов, а затем внезапно раздался резкий звук, фигура Троя на мгновение окуталась ослепительным пламенем. И тут же все погасло. Граф отскочил назад и замер, ошеломленно распахнув глаза. Похоже, от своего заклинания он ожидал большего. Трой помедлил несколько мгновений, затем подчеркнуто неторопливо, явно показывая, что дает сопернику время прийти в себя, отсалютовал графу мечом и шагнул вперед. Но граф внезапно опустил меч, выпрямился и, улыбнувшись, отрицательно качнул головой. Затем он поднял меч и, оттянув левой рукой прядь волос, срезал ее и бросил на траву. Трибуны ахнули. Это означало, что граф не желает продолжать поединок и отказывается от дальнейшей схватки, а попросту сдается. Трой несколько мгновений ошарашенно смотрел на графа, но тот внезапно шагнул вперед и, наклонившись к Трою, тихо произнес:

– Увы, мой друг, я вовсе не жажду победы на этом турнире, поэтому мне, рано или поздно, надо было проиграть какой-нибудь бой. Так почему бы и не этот?

Граф выпрямился и, отвесив Трою изысканный поклон, закончил:

– К тому же, мне крайне интересно, насколько далеко вы сможете пройти...

После графа Агилуры лорды пошли потоком. Трой едва успевал кланяться и бормотать: «Весьма польщен», «Счастлив зреть» и другую, подобную белиберду, каковую заставил его выучить идш. Заодно прислушиваясь к бормотанию гнома:

– Граф Халуар, еще то дерьмо...

– Герцог Ирунама, хм... не слишком добрый хозяин, вечно в долгах, но боец славный...

– Граф Паркалия, этому шуршание женских юбок заменяет звук боевой трубы...

– Барон Илдий, вполне достойный правитель, ну на фоне других...

– Граф Ломар, в общем-то баран, но не злобный...

Когда глашатай объявил условия третьего поединка, гном зло выругался. Идш покачал головой:

– Ну, мы же не рассчитывали, что ему удастся пройти до конца и ни разу не схлестнуться с конным.

Гном тяжело вздохнул:

– Да знаю, но лучше бы это был не граф Шоггир...

Идш пожал плечами. Участвовать в Большом императорском турнире и рассчитывать, что против тебя будут не лучшие из лучших... зачем тогда вообще принимать участия в таких турнирах?

Граф Шоггир также прошел два поединка, и оба выиграл с блеском. Причем оба раза он дрался конным. В принципе, конные поединки считались более сложными. Поскольку магия действует не только на сражающихся, но и на их коней. Хотя направлять заклинания на животных считалось как-то «неспортивно», но как тут угадаешь, действительно ли соперник промахнулся и шарахнул фаерболом по твоему коню случайно, либо это был его тонкий замысел. Впрочем, граф Шоггир был весьма искусен в конном поединке и без помощи магии, недаром он считался одним из лучших конников империи и совершенно заслуженно занимал пост командира латного штандарт-полка императора. Так что на первых двух поединках он пользовался магией только для того, чтобы отразить атаки соперников, а его кони были приучены к магическим атакам и защищены мощными амулетами, напугать или поразить их было практически невозможно и крайне неразумно. Ибо, чтобы пробить наведенную амулетами защиту, требовалось истратить все разрешенные запасы маны и остаться практически беззащитным перед разъяренным от потери любимца (а Шоггир действительно любил своих коней) графом...

Дав коню шанекеля, граф величественно двинулся вперед. Трой пришпорил своего скакуна и ринулся навстречу противнику. Две здоровенные бронированные башни неслись навстречу друг другу, постепенно набирая ход, но любому, кто замер в этот момент на трибунах либо изо всех вытягивал шею, пытаясь разглядеть происходящее поверх голов столпившихся у канатов людей,

была видна разница в классе противников. Конь Шоггира набирал скорость мощно, но плавно, и могучая фигура его хозяина, закованная в доспехи, лишь слегка покачивалась в седле. Грациозно поддерживая копье в вертикальном положении и управляя могучим животным едва заметными движениями коленей и зажатых в левой руке поводий, граф Шоггир выглядел очень эффектно. В противовес сопернику, конь Троя набирал ход огромными скачками, отчего его всадник явно с гораздо большим трудом удерживал равновесие в седле. Прилагая невероятные усилия, чтобы не выронить бряцающий при каждом скачке щит и не зацепиться за землю неуклюже болтающимся копьем, которое к тому же явно было гораздо тяжелее и массивнее обычного, Трой старался продержаться до конца турнира.

На самом деле все обстояло не так, как могло показаться на первый взгляд. Во-первых, столкновение двух бойцов произошло не посередине ристалища, а едва ли не на треть его длины ближе к флагу графа. Это означало, что суматошные скачки коня простолюдина позволили ему набрать гораздо большую скорость, а вот графу явно не хватило разбега. Это выразилось еще и в том, сколь поспешно пришлось графу разворачивать копье острием вперед. Он успел сделать это всего за пару мгновений до того, как они столкнулись, и за мгновение до того, как простолюдин, откинувшись назад со всей силы... метнул свое копье в щит графа! Это произвело совершенно неожиданный эффект. Щит в левой руке – копье в правой: вечный баланс конных рыцарских поединков. Если ты видишь, что противник не готов, – бей копьем, навались всем своим весом на правую сторону тела, упрись каблуками в стремяна, умножив этим силу удара. Если ты не успеваешь ударить, а твой соперник уже готов, – навались весом на щит, прими удар, отрази его, срикошетируй, а если позволяют вес и умение, то и просто выбей копье из рук противника. Ну а если ты бьешь и ожидаешь удар в ответ – будь начеку, удары вдруг никогда не бывают одновременными. Если ты дотянешься до противника первым – надави, если он до тебя – отрази. Все просто в теории и ужасно сложно на практике. Недаром хорошему коннику-латнику платят чуть ли не в три раза больше, чем любому другому бойцу. Уж больно долго этому учиться. Но зато остановить прямую атаку латников не под силу ни одному противнику на свете...

Но на этот раз все было не так. Не только всем зрителям, но и Трою, и всем побратимам еще до начала поединка было ясно, что на этот раз противники слишком уж различаются в классе. И, как бы ни был искусен и удачлив простолюдин, противопоставить графу Шоггиру ему нечего. Так что в прямом столкновении у него не было никаких шансов. Начало поединка, казалось, только подтверждало их предположения... Но когда Трой, воспользовавшись

своей гораздо большей скоростью, просто метнул свое тяжелое копье в щит графа, который перенес основное усилие на правую сторону, дабы как следует ударить своим копьем в щит едва удерживающегося в седле дерзкого простолюдина, то чуть не вышиб своего соперника из седла. Во всяком случае, чтобы удержаться в седле, графу пришлось выпустить свое копье и перехватить поводья обеими руками. Да и после этого он пережил несколько неприятных мгновений, когда пытался удержаться на коне, который поднялся на дыбы. Все это время Трой спокойно гарцевал на своей стороне ристалищного поля, куда вернулся после того, как, метнув копье, проскочил мимо графа...

Наконец, справившись со своим конем, граф подскакал к Трою. Трибуны бесновались от восторга. Оба бойца показали себя отлично, но если от графа этого ожидали, то внезапный ход Троя, пусть и не совсем правильный с точки зрения классических канонов, но вполне честный и к тому же удачный, вызвал бурю эмоций. Вдобавок ко всему Трой показал себя благородным, когда не стал сразу же разворачиваться и налетать на пытающегося удержать равновесие графа, а дал ему время.

– Что ж, молодой человек, могу вас поздравить, – небрежно бросил граф Шоггир, – неожиданный ход!

– Прошу простить, граф, но в прямом столкновении у меня не было никаких шансов против вас, – учтиво поклонился ему с седла Трой.

Граф усмехнулся:

– Ну, не думаю, что они у вас сейчас появились. К делу, сударь, обнажайте меч.

Трой вновь учтиво поклонился и потянул из ножен Серебряный лист...

Последними к дверям подошли три лорда, одним из которых был герцог Эгмонтер. Двое его попутчиков только окинули Троя любопытными взглядами и, несколько покровительственно кивнув, проследовали внутрь, а сам герцог задержался.

– Я вижу, вы не захотели воспользоваться моим советом, молодой человек.

Скулы Троя слегка покраснели, но он упрямо вскинул голову.

– Не сердитесь, – примирительно улыбнулся герцог, – я совершенно не в обиде на вас. Более того, я буду в меру своих сил и возможностей убеждать остальных предоставить вам максимально возможное увеличения «майоратного срока». И, судя по тому, что я слышал от других, у вас есть вполне реальные шансы его удвоить... – С этими словами герцог обнадеживающе улыбнулся и прошел в двери, которые сразу же за его спиной затворились. Трой поежился, а затем ему в голову пришла какая-то мысль, отчего он удивленно воззрился на гнома. Тот понимающе кивнул:

– Нет, император входит через другие двери, с той стороны зала – прямо напротив этих. Да и не торопись. Твой вопрос пойдет одним из последних. Сначала они полаются друг с другом, потом выслушают, что им скажет император, затем опять полаются и только потом перейдут к межевым спорам. И вот как раз этот вопрос начнется с тебя. Так что после того, как тебя утвердят, придется еще час или больше мозолить задницу на своем новеньком баронском кресле и слушать, как эти придурки спорят, кто кому какой лужок, рощицу или деревеньку должен передать, потому что так-де будет по справедливости, а то, как оно было до сего дня, есть злой умысел и против богов.

Трой поежился:

– Ничего себе, а я думал...

– Что? Что благородные господа сидят и думают о возвышенном, решают судьбы империи и мира? – Гном хмыкнул. – Ну... иногда и так бывает, но по большей части... благородное сословие не столько властители, сколько слуги. Слуги своих собственных крестьян и ремесленников. Ты думаешь, откуда герцоги и графы назубок знают, какой лесок или лужок стоит оттяпать у соседа, – да старосты им все уши прожужжали. Неудобно, мол, скотинку гонять в обход за лесок, а вон тот лужок ой как пригодился бы, или из-за того, что вон тот мосток соседу принадлежит – совсем никакого у купца прибытку от непомерных пошлин. Вот и лаются благородные господа друг с другом по наущению старост и старшин... – Гном многозначительно замолчал, не продолжив фразу. Но Трой понял, что тот хотел сказать. Что и ты, мол, сам лезешь в подобную кабалу...

– И откуда ты все знаешь?

Гном не стал отвечать на этот явно риторический вопрос и отвернулся. Некоторое время они молча стояли, смотря в разные стороны, а затем двери палаты внезапно распахнулись, и на пороге появился герольд.

– Хм, – изумленно вымолвил гном, – ты смотри, быстро они... я думал, что нам еще здесь торчать не менее двух часов.

Герольд сделал два шага вперед, величественно поклонился Трою и жестом пригласил его следовать за собой. Трой облизал внезапно пересохшие губы и бросил на гнома отчаянный взгляд. Тот добродушно ухмыльнулся и махнул крюком:

– Ну, чего к месту прирос? Иди уж, барон...

Глава 2

Прощание

– Значит, ты считаешь, что мне стоит дать этому юноше личную аудиенцию?

Граф Лагар, опора трона и первый министр империи, молча склонил голову, давая утвердительный ответ на вопрос императора, – он очередной раз выказывал ему свое уважение. Император нахмурился.

– Ну что ж... хотя я по-прежнему считаю, что это лишь пустая формальность. Неужели ты думаешь, что он сумеет вступить в права владения, даже если принять во внимание то, что ему увеличили майоратный срок?

Граф Лагар пожал плечами:

– Во-первых, сир, ритуалы, сами по себе – вещь чрезвычайно важная, и не стоит пренебрегать ими. Ну а во-вторых... – Граф на мгновение замолчал и сделал легкое движение пальцами.

Император удивленно вскинул брови. Он узнал этот жест. Он означал, что граф задействовал одно из самых мощных охранных заклятий. И где? Здесь, в библиотеке дворца?! Месте, где, как считалось, просто невозможна никакая враждебная магия. Между тем граф продолжил:

– Кроме того, я попросил смотрителя библиотеки, Гერальдическую палату и ректора университета принести мне свитки всех пророчеств об Арвендейле, какие только они сумеют найти. Так вот, всего в трех принесенных мне тубах более сорока пророчеств. Двенадцать из них повторяются, а четыре присутствуют во всех трех. – Граф сделал паузу и бросил на собеседника взгляд, давая ему понять, что сам он придает словам, которые готовится произнести, чрезвычайно значительный смысл, – и среди этих четырех есть одно, в котором главным действующим лицом является некий простолюдин по имени Побратим.

Император хмыкнул:

– Интересное совпадение...

Граф пожал плечами:

– Если учесть, что, как гласят летописи, за все время проведения Больших императорских турниров простолюдины становились их победителями всего лишь три раза, разумеется считая нынешний, то я бы очень сильно задумался над подобным совпадением.

Император некоторое время раздумывал над его словами, а затем кивнул:

– Что ты о нем знаешь?

Граф неторопливо раскрыл папку и извлек несколько листов.

– Имя – Трой, происхождение неизвестно. В настоящий момент числится десятником в сотне Даргола. К сотне присоединился в Палангее. Довольно быстро дорос до чина десятника, – тут губы графа тронула легкая улыбка, – десяток у него тоже весьма необычный. В составе десятка пятеро людей, один гном и один эльф.

– Гном и эльф в одной десятке? – изумился император.

– Да, – кивнул граф, – причем гном – небезызвестный вам Гмалин. А насчет эльфа... – граф замялся, – я не слишком уверен в источнике, но по некоторым сведениям, это может быть Алвур.

Император нервно хмыкнул:

– Да уж, этот молодой человек прямо кладеза неожиданностей.

– Это еще не все, – продолжил граф, – дело в том, что все источники как один утверждают, что все они между собой побратимы.

Император на мгновение замер, а затем не выдержал и расхохотался:

– Это что, и Гмалин с этим предполагаемым Алвуром тоже? Ошеломляющая весть для Светлого леса, впрочем, для Подгорного трона тоже... Ну же, что еще тебе удалось накопать? Клянусь Светлыми богами, ты еще не все о нем рассказал.

– Вы совершенно правы, Ваше Величество, – граф опять склонился в глубоком поклоне, а затем перевернул страницу.

– По его утверждениям, его учителем был небезызвестный вам Ругир.

– Ругир-убийца? Но он же... – и император оборвал себя. Граф вновь склонился в глубоком поклоне, без слов давая понять, что и он обратил внимание на этот факт.

– Где он встретился с Ругиром?

– Судя по слухам, которые циркулируют в сотне, Ругир был для него кем-то вроде приемного отца. Парень вырос в ветеранской деревне на дальней окраине Южных пределов. Трой круглый сирота. Так что Ругир, появившийся в деревне много позже, чем она была заложена, и благоразумно решивший не возвращаться в обжитые пределы империи, взял над ним шефство. Он и обучил мальчика воинскому делу.

– Причем неплохо, – фыркнул император, – победить таких бойцов, как графы Шоггир и Агилура... да и Эгмонтер тоже показал себя с самой лучшей стороны.

Граф Лагар поджал губы. Его отношение к герцогу Эгмонтеру было императору хорошо известно.

– Ну, что еще ты сумел о нем разузнать?

– Не так много, сир, – вздохнул граф, – таверны столицы полны слухами, но большинство из них обычные небылицы. Например, говорят, что он сумел приручить каррхамов, что вшестером прорвался в Священную долину Каменных лбов и вырезал всех их шаманов. Лично убил четырех каменных троллей. А когда сотня была в Фартериско – каждый день брал лодку и отправлялся к Бурунному мысу охотиться на саблезубых акул, и всякая другая дребедень... одно можно сказать точно – молодой человек весьма незауряден и если не пользуется поддержкой незаурядных личностей и кланов, то вполне может на нее рассчитывать. Да, забыл заметить, что один из его людей – идш из клана Саулонов. Опять же по слухам, чуть ли не племянник самого старца Мафусаила.

– Идш – наемник? – император пораженно качнул головой. Граф пожал плечами, будто говоря, что, когда речь идет об этом молодом человеке, он уже ничему не удивляется.

– Да, пожалуй, ты совершенно прав, мой Лагар, – усмехнулся император, – мне действительно стоит встретиться с этим молодым человеком. Он, правда, так настроен отправиться искать этот свой мифический Арвендейл? Я полагаю, он был бы для меня более полезен здесь.

Граф вновь пожал плечами:

– Я полагаю, сир, после встречи с ним вы будете знать это совершенно точно. Итак, когда вы готовы будете его принять?

Император на мгновение задумался.

– Я думаю, в четверг. Как раз и Лиддит успеет вернуться. Я думаю, ей будет интересен этот экземпляр... Назначь ему аудиенцию в малом каминном зале. Я

слишком о многом хочу его порасспросить, а в тронном зале он, наверное, будет чувствовать себя скованно.

– Слушаюсь, сир. – И граф вновь склонился в глубоком поклоне...

– Ну что, когда отправляемся? – с этими словами идш ввалился в зал таверны.

– Как же, разбежался, – брюзгливо пробурчал гном, – отправишься здесь. Ну ладно, сегодня вечером – святое дело, проставляемся в сотне. Так что завтра... ну, в крайнем случае, послезавтра – вполне могли бы двинуться! Так нет же, по каким-то вашим дурацким канонам и традициям новоиспеченному лорду положено получить аудиенцию у императора. И вот сиди теперь, жди!

В этот момент двери таверны распахнулись, и на пороге появился Трой. Вид у него был крайне унылый. Гном окинул его смурным взглядом и, отвернувшись в сторону, пробормотал:

– Да тут еще эта любовь...

Идш в свою очередь покосился на Троя и тоже вздохнул:

– А я, было, считал, что хоть одной напастью меньше...

– Жди, – скривился гном, провожая взглядом понурую фигуру, поднимающуюся по лестнице, – этот парнишка из тех, которым непременно надо все и сразу. А ежели что не по нему – так стенки прошибет.

– Ну-ну, – хмыкнул идш, – только сдастся мне, тебе именно такой и нужен. А то зачем ты иначе повсюду за ним таскаешься? – И, заметив, что гном боднул его злым глазом, успокаивающе вскинул руку: – Ладно, не кипятись, я ж тоже с вами не просто так увязался.

Гном тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

– Ладно, надо идти присмотреть, как там, на кухне, а то оглянуться не успеешь, глядь, печати на кувшинах сломаны, а вино отлили и разбавили...

Попойка началась с фурора. Поскольку Трой немало послужил славе сотни и был одним из основных виновников того, что Тавор Эрграй выложил огромную премию за все, что они совершили во время службы в крепости Горбатая скала, Даргол с ветеранами решили скинуться Трою на подарок. Оружие и доспехи у него уже были, причем такие, лучше которых не достать ни за какие деньги, так что было принято решение подыскать молодому десятнику хорошего коня. Сначала, правда, о коне речь шла только гипотетически, поскольку покупать абы что не хотелось, а на совсем доброго монет явно не хватало, но когда в сотне прознали, на что скинулись сотник с сержантами, выяснилось, что проводить Троя «как должно» не против очень многие. И денег набралось достаточно. А уж когда гном узнал, что затеяли наемники, то только усмехнулся в бороду и буркнул:

– Ладно уж, пособилю в таком деле, а то купите невесть что... – И, забрав деньги, исчез, оставив кухонные заботы на идша (что, впрочем, не принесло поварам никакого облегчения).

Уж как он там извернулся, за какие ниточки дернул, но ближе к вечеру, когда до официального начала пирушки осталось около получаса и большинство наемников уже собрались в зале и «разминались» светлым элем, он появился на таком коне, что старый Шамок, бывший сержант, а ныне сотенный старший конюх, только ахнул:

– Это откуда такое чудо?

– Места знать надо, – с деланным равнодушием буркнул гном, но затем не выдержал и расплылся в довольной усмешке. Конь действительно был хорош – вороной, с белой грудью и белыми гольфами на передних ногах, янтарно-желтыми глазами с фиолетовым отливом на просвет и гладкой шерсткой. Грива его была густа и расчесана волосок к волоску, а хвост слегка подстрижен. Шамок любовно провел ладонью по горячему крупу и, повернувшись к гному, снова спросил:

– Ну так откуда? Тех денег, что мы собрали, на такого красавца явно не хватит, тут вон сбруя одна дай бог столько стоит... Давай уж, говори, вижу, что и самому не терпится.

– Так уж и не терпится, – сварливо отозвался гном, но затем сменил гнев на милость, – ладно, вон хозяин скачет. Узнаешь?

Шамок вскинул ладонь и уставился в конец улицы, где показался благородный господин верхом на крапчатом в яблоках коне. Конюх пару мгновений вглядывался, затем ахнул, всплеснул руками и метнулся в таверну, дабы предупредить сотника, что к ним в гости пожаловал сам граф Шоггир...

С прибытием такого гостя столы были накрыты прямо-таки молниеносно. Трое благородных господ, а именно – граф Шоггир, барон Арвендейл и сотник Даргол, оказавшийся давним знакомцем графа (чему, впрочем, никто уже давно не удивлялся, а кому из знатных и могущественных людей империи не был знаком скромный сотник Даргол?), успели выпить всего лишь по небольшому кубку вина в дальней комнате, как на пороге появился идущий и несколько сварливо осведомился, долго еще сотне ждать, когда благородные господа пожалуют за стол.

Когда благородные соизволили спуститься, оказалось, что все уже расселись и, если честно, не очень-то ждут, когда появятся и почтенные гости, и сам виновник торжества. Впрочем, появление виновника встретили одобрительным ревом...

Сначала наемники слегка стеснялись и шумели не шибко, поглядывая на стол, за которым расположились сотник, граф, новоиспеченный барон Арвендейл и остальные из его десятка. Но после третьей кружки вся эта нехарактерная для наемников степенность улетучилась, и народ окончательно развеселился. Первым об этом возвестил дюжий десятник-грондигец. Захватив кружку с крепким, темным элем он взгромоздился на лавку и зарычал:

– А чо, народ, чоб нам не выпить за барона Арвендейла, а?

Народ одобрительно заорал. Трой, покраснев, поднялся из-за стола и в свою очередь поднял кружку. И этот жест так же был встречен одобрительным ревом. Гулко со звоном сошлись кружки, и пьянящая влага полилась внутрь бездонных глоток. Но грондигец на этом не успокоился.

– Эта... братва, – вновь обратился он к собравшимся, – а я гляжу, что-то наш молоденький барон чахлый сидит. Мне кажется, что ему чего-то не хватает.

– Точно!

– Верно подметил!

– Ну у тебя и глаз-алмаз!

– Так и долго мы будем это терпеть? – обиженно осведомился грондигец. Ответом ему был дружный рев почти сотни глоток:

– НЕТ!!!

– О, – грондигец воздел волосатый палец, – и я о том же. Потому как барон, он парень у нас в самом соку. И такому парню без женского внимания и ласки – никак нельзя. Зачахнет. – Он развернулся к Трою и, довольно оскалившись, продолжил: – А поскольку он сам все без бабы и без бабы, а в сотне знают, что у нас с им вкусы очень даже совпадают (тут сотня грохнула так, что грондигцу пришлось несколько минут подождать, пока народ успокоится)... ну так раз уж оно так обернулось, я и решил подыскать барону славную девку. Только чур – не отказываться. – И грондигец махнул кому-то рукой.

Трой густо побагровел и сделал попытку нырнуть под стол. Но в этот момент дверь таверны распахнулась, и в проеме двери нарисовался изящный, женский силуэт.

– Добрый вечер, господа, я слышала, что здесь весело проводят время?

Народ, узнав вошедшую, восторженно заорал, заулюлюкал, засвистел, а Трой, чья физиономия стала совсем уж бурой, начал подниматься из-за стола, обрадованно хлопая глазами. Но, к изумлению тех, кто заметил, с не менее ошарашенным видом из-за стола начал подниматься и граф Шоггир. Однако гном был начеку и, поймав поднимающегося графа за рингравы, дернул его назад и что-то зашептал ему в ухо...

Ликкету усадили между Троем и графом. Вернее, она сама заняла это место, кокетливо улыбнувшись графу и с деланой скромностью пробормотав:

– Не уступит ли благородный господин даме это место рядом с героем сегодняшнего торжества?

«Благородный господин» побагровел, поперхнулся, с натугой кивнул и едва вообще не задал стрекача из-за стола, но тут вновь вмешался гном, и граф остался сидеть по левую руку от дамы с таким видом, будто проглотил кол. Пока народ наполнял кружки по новой, дама наклонилась к «благородному господину» и тихо прошипела:

– Граф, я была не менее удивлена, увидев вас здесь. Но я отчего-то не столь демонстративно выражаю это удивление всем присутствующим.

Граф вздрогнул и попытался принять более раскованную позу (что, впрочем, удалось ему не слишком).

– И будьте чуть поживее...

– Да Ва...

– Здесь меня знают под именем Ликкета!

В этот момент Трой наконец справился со смущением и повернулся к той, которую так долго искал, поэтому Ликкета в свою очередь повернулась к нему, мило улыбнулась и, подняв руку с кубком вина, галантно произнесла:

– Ну, господин барон Арвендейл, я поздравляю вас с победой.

– Ура барону Арвендейлу!!! – тут же подхватил грондигец, и сотня поддержала его выклик дружным ревом, слегка заглушаемым только грохотом сдвинутых кружек...

В общем, вечеринка удалась на славу. Ближе к полуночи большая часть сотни относительно спокойно убралась в соседние (и не очень) таверны, гулять дальше, поскольку выпитый эль требовал не столько продолжения, сколько умножения веселья, а сотник сумел накрепко вбить в буйные головы своих наемников, до каких пределов он способен терпеть буйство подчиненных. Граф Шоггир, произнеся приветственный тост, также довольно быстро убрался, так

что Трой, не столько пивший, сколько созерцающий предмет своего обожания, и Ликкета, также смогли, наконец, покинуть таверну. Десяток деликатно рассосался по каким-то своим срочным (каковыми надо было заняться именно сейчас, после полуночи) делам, заодно расшугав тех, кто слегка задержался на пути к другим тавернам и сейчас внезапно обнаружил, что ему непременно надо еще разок выпить с бароном Арвендейлом. Так что через пару минут после выхода из таверны Трой и Ликкета обнаружили, что идут по узким улочкам Эл-Северина вдвоем. Некоторое время они молчали, затем Ликкета спросила:

– И какие же теперь у вас планы, барон?

Трой, на лице которого все это время блуждала глупая улыбка, довольно хмыкнул, но затем вдруг насупился и выдавил:

– Так это... – и замолчал.

Ликкета, деликатно прождав пару минут, не выдержала и сказала с усмешкой:

– Ничего не скажешь, содержательный ответ. А я-то, наивная, надеялась...

Трой покраснел настолько густо, что это стало заметно даже в сумраке переулка. Ликкета остановилась и взяла его за руку:

– Трой, я не...

– Да нет, – голос молодого барона звучал глухо, – знаешь, я затеял все это именно для того, чтобы стать тебе ровней, чтобы я мог хотя бы рискнуть... но теперь... я не могу...

– Почему?

– Понимаешь, – Трой замялся, – тут... короче... выяснились некоторые обстоятельства...

Брови Ликкеты иронично взметнулись вверх.

– Вот как... я понимаю, новоиспеченному барону предложили выгодный брак с богатой наследницей? – Ликкета насмешливо сморщила носик. – Что же, вполне разумно. Господин барон должен непременно основать новый род, так что ему, естественно, будут нужны средства. А что может предложить девушка из благородной, но явно бедной семьи, у которой нет денег даже на паланкин, чтобы по ночам передвигаться по городу в относительной безопасности?

Трой открыл рот, собираясь что-то сказать, но затем лишь потерянно махнул рукой. Некоторое время они молча стояли, переживая крушение собственных идеалов, затем Ликкета ядовито осведомилась:

– Могу я хотя бы узнать ее имя?

Трой, который уже почти смирился с тем, что лучше уж так, чем все объяснять, внезапно понял, что не сможет выдержать, если их расставание будет омрачено ложью. Поэтому он сглотнул и глухо произнес:

– Я должен узнать, что с моей землей.

Ликкета отшатнулась, как от удара. Она ожидала другого ответа, она приготовилась к нему, она даже уже прикинула, чье имя сейчас прозвучит. Но она совершенно точно никак не ожидала такого. Ее глаза изумленно расширились, а затем, спустя почти минуту, она тихо прошептала:

– Ты думаешь, что ты говоришь?

Трой упрямо набычился.

– Ликкета, пойми, если я этого не сделаю, то я – никто. Это значит, что для меня титул – пустая формальность, громкий звук впереди имени. А раз так – разве я могу считать себя бароном? Я – пустышка, неизвестно что, с туго надутыми щеками. Я так не могу...

Ликкета некоторое время молча разглядывала его так, будто увидела впервые, а затем медленно заговорила:

– Да-а, Трой-побратим, барон Арвендейл, ты меня удивил. Сколько я знаю урожденных лордов, которым даже не приходит в голову то, что ты только что сказал. Правда, до тех пор, пока Совет пэров не отбирает у них Владетельное право... ну да и к Темным богам их. Но ты меня удивил! Ты – лорд, настоящий лорд, кем бы ты ни был по рождению.

– Да какой я лорд... – смутился Трой.

– Нет, – качнула головой Ликкета, – неужели ты думаешь, что кто-то когда-то раз и навсегда разделил людей на благородных и нет? Среди предков любого благородного рода когда-то были простолюдины. Но эти простолюдины сумели подняться до понимания того, что благородство – это не довольство или беззаботность, а, наоборот, гораздо большее бремя забот. – Она усмехнулась и взъерошила ему волосы. – Правит всегда только тот, кто сам создал для себя это право. Если благородный отец, владетельный сеньор, не смог воспитать достойного сына или дочь, то их право править исчезнет, развеется как дым. И никакие титулы от этого не спасут. Но и мысль о том, что править может любой, – тоже ложь. Правом править нужно овладеть, право править не возникает из воздуха и не приходит откуда-то со стороны. И лишь немногие могут действительно овладеть им. Причем, очень часто, лишь с помощью рода, лишь имея предков благородной крови...

Западные орки избирают себе вождей и очень кичатся тем, что, мол, любой орк может стать таким вождем. Но все это обман – правят всегда немногие. И у них тоже. Они могут принадлежать к разным родам, но число этих родов всегда ограничено. А их нынешний вождь вообще сын военного вождя, который правил тогда же, когда орки воевали с тем же врагом, что и сейчас, во времена, когда правит сын.

– Значит... у меня нет шансов? – тихо произнес Трой.

– Глупый, – улыбнулась Ликкета, – у любого рода всегда был родоначальник. И за ним еще не стояло череды благородных предков. Просто... быть родоначальником всегда очень тяжелое бремя. Во многом более тяжелое, чем просто стать богатым купцом, владельцем рудников или сеньором домена, например. Потому что создать богатство, завоевать право править – это лишь первый шаг, а вот воспитать наследников, утвердить честь рода, те непреложные ценности, которые будут передаваться в роду из поколения в поколение, – это и есть самое сложное. И очень немногие способны сделать это.

Но без этого ты просто... – она хихикнула, – пустышка, неизвестно что, с туго надутыми щеками, так, по-моему?

Трой смущенно улыбнулся в ответ. Несколько минут они молча стояли и смотрели друг на друга, затем Ликкета прикоснулась рукой к его щеке и тихо произнесла:

– Я верю в тебя, Трой, барон Арвендейл. Иди. Иди путем, который ты выбрал и... возвращайся. Империи нужны такие воины, как ты. Иначе, рано или поздно, она исчезнет, превратится в нечто подобное сборищу орков, жадно набрасывающихся на слабых и живущих не так, как они считают правильным. А затем пожирающих свежие трупы, самодовольно утверждая, что этим оказывают честь «доброму мясу». Ибо за всеми их рассуждениями о праве, о богах и должном всегда стоит вопль брюха разожравшегося плебса, который выбирает своих вождей именно брюхом...

– Откуда ты все это знаешь? – тихо произнес Трой.

– У меня были хорошие учителя, Трой, очень хорошие... и к тому же я стараюсь за словесным кружевом всегда увидеть суть вещей. Иначе мое право править ничего не стоит, ибо слепцы править не могут. А сейчас... не провожай меня. И не ищи. Тебе сейчас нельзя отвлекаться ни на что иное. Иди своим путем и возвращайся. А когда вернешься – я сама тебя найду. И тогда... – Она сделала паузу, стиснула губы, как будто те слова, которые она собиралась сейчас произнести, уже рвались с ее губ, а она пыталась задержать их, еще раз оценить, стоит ли их произносить... Но ведь есть слова, которые уже невозможно удержать. И эти, наверное, были как раз из таких:

– Тогда мы и поговорим о том, с кем ты станешь строить свой род!

Трой замер, не в силах поверить в то, что услышали его уши, а Ликкета шагнула к нему и, обхватив руками его шею, крепко поцеловала в губы. Но тут же отпрянула и исчезла в темноте переулка...

Трой выехал из-за деревьев и, натянув поводья, остановился, восхищенно замерев. Зрелище действительно заслуживало того, чтобы им любоваться. Прямо перед ним протянулся луг, покрытый мягкой душистой травой, через который, слегка изгибаясь, бежала дорога. Сразу за лугом начинался огромный обрыв, тянувшийся на многие и многие мили в обе стороны. А вдалеке, в легкой дымке, виднелась огромная гора. Ее склоны были настолько круты, что на них не росло ничего, кроме упрямых лиан, да и те забирались только на десяток-другой ярдов вверх от подножия. По существу, это была скала, но настолько огромная, что притворялась столовой горой. На самой вершине этой горы стремились к небесам стройные башни, казавшиеся с этого места тонкими пальцами воздетых к небесам рук. Это был знаменитый университет. По слухам, его основал сам Марелборо. Хотя насчет основания им университета можно было спорить.

О том, сколько башен тянется к небесам в овале его стен, доподлинно не было известно. Хотя, казалось бы, чего проще? Возьми да посчитай. И считали. И отсюда, с этой стороны скальной стены, откуда, казалось, все башни как на ладони. И из самого университета. И еще с десятков других мест. И всякий раз выходило иное число. Так что, в конце концов, плюнули и перестали. Так с тех пор и говорили: «башни университета».

Снаружи стен и чуть ниже, ближе к отвесным склонам, утопал в кипарисах и акациях небольшой городок. А прямо перед ним, чуть левее, не закрывая башен, сверкал и переливался Столп. Тот самый, из-за которого университет располагался не в Эл-Северине, блистательной столице империи, а здесь, на ее, по существу, дальних задворках.

Что такое Столп, так до сих пор никто объяснить не может. Ни мудрые эльфы, ни основательные гномы, ни даже тролли и орки, которые, по слухам, в незапамятные времена также пытались обосноваться поближе к Столпу. Больше всего Столп напоминал призрачную радужную колонну. То есть именно напоминал, потому что колонна – это колонна, радуга – это радуга, а Столп – это ни то, ни другое и ни третье. Столп – это Столп. Поэты и ученые давали ему различные определения – иногда возвышенно-поэтические (причем этим грешили и ученые), иногда сугубо приземленные, но никто так и не смог приблизиться к пониманию того, что такое Столп. Кто обнаружил его первым – неизвестно, но на памяти светлых рас это сделали эльфы. Они изучали Столп почти одиннадцать

тысячелетий. До сих пор вокруг университетской горы взмывают вверх стволы деревьев величественного эльфийского леса. Только вот самих эльфов там нет. Ни одного. Почему они оттуда ушли, никто не знает. А сами эльфы хранят молчание. А может, уже и забыли. Однако ни на памяти гномов, ни на памяти людей ни один эльф более не приближался к университету...

Следующими эстафету приняли гномы. Гномы появились у Столпа еще в конце эпохи эльфов. Согласно легендам, именно они воздвигли башни университета. Для эльфов. А те вплели в их стены какое-то свое колдовство. Но и первые, и вторые хранили о сем молчание. Так что насколько эти легенды соответствуют действительности, – никто не знал. И то, кто действительно являлся строителем башен, было окутано мраком...

Гномы продержались возле Столпа шесть тысяч лет. Так, во всяком случае, считается. Поскольку и об этом эльфы и гномы хранят молчание. Но к тому моменту, когда в мир пришли люди, гномы уже давно готовы были покинуть окрестности Столпа. И лишь осознание того, что стоит им уйти, и рядом со Столпом мгновенно объявятся орки, удерживало их рядом с этим чудом. Но только лишь люди изъявили желание поближе познакомиться со Столпом, как гномы тут же вручили им ключи от воздвигнутой ими вокруг башен крепости и исчезли с горы. Опять же по слухам, они даже заложили или обрушили все тоннели, проходившие в толще или в непосредственной близости от столовой горы, на которой и был воздвигнут университет. И опять никому не удалось получить от них никакого внятного объяснения. Вернее, людям не удалось... поскольку эльфы не спрашивали, а никто другой не мог даже теоретически рассчитывать на то, что гномы соизволят что-то объяснить. Если только под пытками. И вот теперь была очередь людей тратить века и тысячелетия на то, чтобы пытаться познать что-то, что гномы и эльфы признали непознаваемым...

Трой пришпорил Ярого и поскакал к краю обрыва. В этот момент из-за спины раздался слитный вопль четырех глоток:

– Стой!

– Куда!!

– Стоять!!!

– Назад!!!!

Когда люди так кричат, самым разумным будет немедленно отреагировать. Трой резко натянул поводья. Остановленный на всем скаку Ярый взвился на дыбы, что вызвало прямо-таки физически ощутимый вопль ужаса. Трой поспешно дернул удила, и конь рухнул на передние ноги.

– Назад! Мать ее всех богов через два колена с перекрестьем на святой круг с присвистом!!!

Трой удивленно оглянулся (не забыв, однако, повернуть коня). К нему бежал всклокоченный гном.

– Слазь! Слазь быстрее!!! – надсадно рявкнул гном, а в следующее мгновение, добравшись, наконец, до Троя, резким движением сдернул его за ногу с коня. Молодой воин кубарем покатился по земле. Гном замер, вглядываясь в переливающийся Столп, а затем облегченно выдохнул:

– Ф-фу, успели...

– Да чего случилось-то? – отплевываясь, удивленно спросил Трой.

– Слава богам, причем именно богам, а не тебе, балбесу, пока ничего, – рявкнул на него гном.

– Тебе голова для чего дадена, – присоединился к нему идш, – только жрать или как? Неужели не видно, что на этом лужку ничего выше травы не растет? Что ж ты свою дурную башку так задираешь?

Трой ошарашенно огляделся.

– Вот-вот, – сварливо продолжил идш, – да и травка эта явно не по пояс.

Трой насупился:

– И чего, раньше предупредить было нельзя?

Гном и идш, явно настроенные продолжать нравоучения, при этих словах как-то разом захлопнули уже разинутые пасти и озадаченно переглянулись. Тут послышался голос подошедшего Арила:

– Так тебе что, твой учитель про университет не рассказывал?

– Нет, – мотнул головой Трой.

Гном озадаченно крякнул:

– М-м-м... ну ладно, замнем. Просто теперь знай, ехать к краю можно только по мощеной дороге.

– А то что? – насторожился Трой.

– А то – кирдык, – весело пояснил Глав, – причем полный. Только пепел останется. Вон гляди, травка какая густая и сочная. А все почему – потому что удобрений достаточно. Время от времени сюда из леса какая-никакая живность выходит или птичка залетит. Места-то здесь глухие, зверье непуганое, вот травке и вольготно живется. Пока не подрастет, да и потом – тоже ничего. Поскольку травке от того, что ее стригут, только польза...

– Не понял, – Трой перевел взгляд с одного на другого, – как это?

– Понимаешь, побратим, – делано ласково начал гном, – к сожалению, что же такое Столп, на который ты так неосторожно отправился посмотреть поближе, никто не знает. Но то, что это штука чрезвычайно мощная и опасная, всем понятно. Если рядом со Столпом поместить разряженный амулет, то он мгновенно зарядится. Если слабенькому магу произнести простенькое боевое заклинание, то оно сработает так, будто его произнес сам император, да еще со всем напряжением своих магических сил. А если установить поблизости что-то совершенно обычное и безобидное, то как оно сработает, не может предугадать никто. Иногда – так, иногда – этак. Вот и здесь одни умники, – гном покосился в сторону эльфа, невозмутимо разглядывающего башни университета, – установили простенький полог. Ну, чтобы знать, кто и откуда приближается к Столпу. Простенький такой полог, только шибко большой. Чтобы, значит, всю гору накрыть. А он возьми да и преобразуйся во что-то совершенно непотребное. И пришлось тем умникам строить специальную дорогу и защищать ее самыми

могучими заклятиями, чтобы иметь возможность доставлять запертым на горе собственным умом, хотя я бы употребил тут другое слово... ну да ладно, так вот, чтобы иметь возможность доставлять на гору продукты и все такое прочее. Потому что если сойти с дороги, то этот взбесившийся полог, вместо того чтобы предупредить о том, что неподалеку появился кто-то незванный, просто уничтожает его, причем не делая никакого различия, незванный ты или самый что ни на есть званный. Так с тех пор все и мучаются...

Эльф невозмутимо выслушал эту тираду, а затем улыбнулся уголком губ и сделал какой-то знак. Что он означал, никто не понял, но гном вдруг расхохотался в голос:

– Ну, ушастый, то есть, прошу прощения, безухий, уел-уел, признаю.

– Чего это они? – недоуменно спросил Трой.

– А-а, не обращай внимания, – сварливо буркнул идш, – обычные подначки. Причем то, чем они друг друга подначивают, произошло, как правило, за пару-тройку тысяч лет до того, как в этом мире появились люди. Так что не бери в голову – пусть развлекаются...

Гном с эльфом ехать к горе отказались наотрез. Сказали, что подождут побратимов здесь на опушке. Им-де, по родовому закону, путь к Столпу заказан. Так что, наскоро перекусив, пятеро людей попрощались с побратимами и двинулись по дороге вниз, в котловину.

Едва дорога сделала первый поворот, как Трой натянул поводья и зачарованно замер. Арил, ехавший сразу за ним, так же остановил коня и присвистнул от удивления:

– Выходит, не врут легенды-то?

– Да уж, – чуть сдавленно буркнул Глав, – сколько ни рассказывали, а такого я не ожидал. Умеют же строить...

– Кто? – прошептал Трой, не в силах отвести взгляд от величественного замка, кольцом стен охватывающего основание Столпа.

– Гномы, кто ж еще... – Идш, похоже, хотел произнести это своим обычным сварливо-недовольным тоном, но даже в его голосе были заметны нотки восхищения.

– Так это построили гномы?

– Ну да.

– Для людей?

– Как же, жди, – вот теперь идш явно был в своей тарелке, – для себя. Еще в те времена, когда сами тут хозяйничали.

– А... как? – ошалело произнес Трой, так и не сумев сформулировать вопрос, как такое великолепие оказалось в руках людей. Но все его поняли.

– Ну так не ломать же... – идш оглядел остальных высокомерным взглядом, – ломать, пожалуй, дороже вышло бы. Вот и оставили. Ну ладно, чего стоять, поехали...

К закату они подъехали к огромным воротам. В ширину они были столь велики, что в них свободно могли проехать латники колонной по четыре, причем не пригибая копий. Да что там всадники. В них вполне могли бы свободно пройти диковинные звери илифранты, о которых Трою рассказывал Ругир. Ворота были украшены искусной резьбой по металлу и камню. Металл, которым были густо оплетены обе створки, отливал синевой, прямо как доспехи Троя.

– Хорошая работа, – уважительно качнул головой Арил. Все согласно закивали.

– Ну что, – идш обернулся к Трою, – стучим?

Не дожидаясь ответа, он наклонился и, зацепив рукой огромное кольцо, продетое в ноздри какой-то страхолюдной морды (выглядевшей столь натурально, что Трой невольно нащупал под плащом рукоять меча), брякнул им о выступающее било. Над землей поплыл басовитый густой звук, как будто ударили в небольшой колокол. Спустя пару мгновений сверху раздался голос:

– Кто такой?

– Барон Арвендейл с сопровождающими.

– Барон Арвендейл? – в голосе говорившего слышались удивленные нотки. – Не знаю такого домена.

Внутри что-то лязгнуло, и в нижней части ворот распахнулась узкая бойница.

– А печать императора знаешь? – сварливо осведомился идш.

– Знаю, – озадаченно ответили из бойницы, видимо не совсем понимая, как может быть связан никому неизвестный барон и печать императора.

– Ну так отворяй, – рявкнул идш и извлек из сумки свиток, запечатанный зеленым кругляшом императорской печати.

– Так бы сразу и говорили, – пробурчали в ответ, – а то барон, барон, сколько их, этих баронов, разве всех упомнишь...

За воротами снова что-то лязгнуло, но на этот раз глуше и басовитей, и одна из створок поползла назад, открывая проход. Трой оглянулся на побратимов. Арил и Глав напряженно стиснули руками поводья, идш изо всех сил демонстрировал безразличие, но его глаза ярко сверкали из-под насупленных бровей, а Марел... Марел смотрел на отворяющиеся ворота этак по-крестьянски спокойно. Будто это зрелище, которое должно было предстать перед ними внутри этих величественных стен, было для него столь же привычным, как и вид деревенских овинов. Но раздумывать над столь необычным поведением Марела времени уже не осталось. Ворота распахнулись, и Трой тронул коня...

Внутри замок оказался не менее красив и... опасен, чем снаружи. Если для любого другого замка враг, преодолевший стены города, фактически уже был хозяином положения, то в этом случае замок надо было осмотреть еще и изнутри. Его стены сверху были накрыты каменными плитами, образуя мощные галереи, а число бойниц внутри немногим уступало таковым, смотрящим наружу.

Трой въехал на ровную мощеную площадку, ограниченную с обеих сторон двумя приземистыми башенками. Прямо перед ним стояли трое. Двое из них было в полном боевом облачении, а третий в красивой камзоле, но с мечом у пояса. Благородный господин в камзоле и один из бойцов в доспехах гордо демонстрировали золоченые рыцарские шпоры, а на плече третьего белел сержантский шеврон. Господин в камзоле отвесил легкий поклон:

– Виконт Альери, комендант, с кем имею честь?

Трой спешился и в свою очередь поклонился (хотя это вышло у него более неуклюже, чем у виконта):

– Барон Арвендейл.

– Арвендейл? – В голосе виконта сквозило явное предложение прояснить его недоумение. Трой завистливо поджал губы. Ему никогда не научиться вот так же, всего лишь интонацией, выказывать недоумение, намекать собеседнику, что он слишком увлекся, или давать понять, что ему не нравится его обращение...

– Я завоевал этот титул, одержав победу в Большом императорском турнире.

– Ах вот как, – понимающе кивнул виконт и улыбнулся несколько снисходительно, – я слышал, граф Шоггир приболел?

Трой недоуменно уставился на него:

– Да нет вроде, когда я... э-э... он меня провожал, то выглядел отлично.

– Провожал вас? – глаза виконта слегка округлились от удивления.

– Ну да... вот еще коня подарил, – и Трой погладил Ярого по морде.

Виконт задумчиво прикусил губу:

– Простите, барон, а как давно вы знаете графа?

– Так на турнире и познакомились, – прямо ответил Трой.

– Значит, граф участвовал в турнире?

– Ну да.

– И вы победили?

– Ну да.

Виконт поднял брови домиком и покачал головой, затем его губы расплылись в улыбке, гораздо более радушной, чем минуту назад.

– Рад приветствовать у себя столь знатного бойца, барон. Что привело вас в университет?

Трой вздохнул:

– Повеление императора...

Трой прибыл во дворец за полчаса до указанного срока. Передав поводья Ярого дежурному офицеру, он отвесил старательный, но несколько неуклюжий поклон встречавшему его расфуфыренному придворному, ответил утвердительно на вопрос о том, является ли он действительно бароном Арвендейлом, и проследовал внутрь левого крыла дворца. Всю дорогу Трой оглядывался по сторонам, как самая распоследняя деревенщина, и только у самой лестницы вспомнил наставления гнома и, поспешно захлопнув рот, принял независимую и горделивую позу. Впрочем, и первоначальный промах и последующие усилия пропали втуне, поскольку встретивший его придворный ни разу не обернулся.

Они поднялись на третий этаж, прошли несколько залов, где находились прекрасные статуи и картины, затем свернули в небольшой коридорчик. Здесь придворный притормозил, повернулся к Трою, окинул его придиричивым взглядом и сделал знак ждать, после чего исчез за портьерами. Оставшись один, Трой слегка расслабился и огляделся. Как рассказывал гном, левое крыло дворца занимали личные покои императора. Если центральная базилика и правое крыло

были присутственными местами, то в левом располагался император и его ближайшие слуги. Это сразу бросалось в глаза. Если в правом крыле, где он уже успел побывать, когда присутствовал на заседании Палаты пэров, лестницы и коридоры были широкими, позволявшими свободно прогуливаться небольшим компаниям, а залы были просторны и в них находилось множество изящных диванчиков и миниатюрных столиков, то здесь коридоры были намного уже, да и залы (во всяком случае, те, которые он успел увидеть) поменьше. И мебели в них было не так уж много, а вот столы были большими.

– Его Величество ждет вас!

Трой вздрогнул. И когда этот расфуфыренный успел вернуться?

– Благодарю...

Трой отвесил короткий поклон и нырнул под изящно приподнятую придворным портьеру.

Зал, в котором он оказался, также был невелик. В центре его, прямо напротив огромного камина, стояли два кресла с массивными спинками. Одно из них было занято.

– Добрый день, рад вас видеть, барон.

– Д-да... Ваше Величество. – Трой почувствовал, что у него похолодели руки.

– Проходите, присаживайтесь.

Трой на деревянных ногах приблизился к свободному креслу и опустился на краешек, моля богов, чтобы не промахнуться и не упасть на пол.

– Чай, майсу, кофе или, может быть, бар-дамар?

– Благодарю, Ваше Величество.

– Так что?

– Я... – Трой смутился не зная что ответить.

– Ну, тогда попробуйте талосского, барон. У вас ведь пока нет замка с винным погребом, но как только он появится, непременно заложите туда пару дюжин бутылок этого вина. Не прогадаете, – и император тихонько рассмеялся. Этот смех, жар от камина, несколько глотков густого, терпкого вина так непохожего на все то, что Трою приходилось пробовать до сих пор, все это вместе внезапно смыло все то напряжение, которое он испытывал, пока шел по коридорам дворца или ожидал разрешения войти. Трой сделал еще глоток, поставил стакан и откинулся на спинку кресла. Император одобрительно кивнул.

– О вас ходит множество разных слухов, барон. Не могли бы вы рассказать о себе?

– Как вам будет угодно, Ваше Величество.

И Трой начал рассказывать. О глухой деревеньке Сосновый лог, о Ругире и Тристане, о схватке с гхарком, о старом каррхаме, о налете орков, то есть обо всем, что случилось с Троем за его пока еще не слишком долгую, но, как выяснилось, очень богатую событиями жизнь. Когда он закончил, император некоторое время молча сидел, задумчиво глядя на огонь.

– Как, вы говорите, звали того старого каррхама?

– Ргыхнак, Ваше Величество.

Император раздумчиво покачал головой:

– И вы сумели выучить каррхамский?

– Да, Ваше Величество.

Император кивнул:

– Что ж, отлично... как вы знаете, считается, что любой дворянин империи искушен в магии. Есть ли у вас какие-нибудь таланты в этой области?

Трой слегка покраснел.

– Я не знаю, Ваше Величество, я этому никогда не учился.

Тут император улыбнулся:

– Ну, господин барон, это вполне поправимо.

Его Величество поднял руки и хлопнул в ладоши. Тотчас за спинкой его кресла возник давешний расфуфыренный придворный. Император коротко приказал:

– Бумагу, перо, печать, – и повернулся к Трой: – Я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали, барон.

– Да, Ваше Величество.

Император взял поднесенное перо и принялся что-то писать.

– Я хочу, чтобы вы отправились в университет. Там находятся те, кто сможет наилучшим образом помочь вам разобраться с вашими магическими способностями. Но это не все. Я хочу, чтобы вы обучили языку каррхамов двух-трех лингвистов. Не думайте, что это слишком отдалит вас от осуществления ваших планов. Ибо я написал ректору, чтобы он снабдил вас необходимым числом амулетов и готовых заклятий, отнеся расходы на счет императорской казны. Некоторые заклятия весьма дороги, знаете ли, – тут император улыбнулся, заставив Троя густо покраснеть, – но не стесняйтесь. Вам предстоит столь сложная задача, что любая мелочь, которая сможет облегчить ее доведение до конца, должна быть использована. Вы должны вернуться в лоно империи и принести нам достоверные сведения о том, что происходит за Проклятым лесом, суть деяние не только полезное, но и славное. А долг любого дворянина – жить, множа славу. Свою, суверена и государства. Причем для этого совершенно не нужно каждодневно совершать подвиги. Это большое искусство – жить, служить, властвовать со славой. Не изображать славу, не пыжиться, не заставлять окружающих славословить и упражняться в восхвалении, а искать и находить славу там, где, казалось бы, властвует обыденность. Впрочем, – император вновь улыбнулся, – вам-то как раз не придется искать славу в обыденности. У вас будет достаточно способов найти ее, исполняя свой долг перед империей и перед собой.

Император закончил писать и, свернув свиток трубочкой, положил его в пенал, затянул тесемки и, шепнув заклинание, разогревшее сургуч, шлепнул печатью.

– Вот, возьмите, передайте ректору. Искренне рад нашему личному знакомству. Надеюсь увидеться с вами по завершении вашей миссии.

Вот так Трой на следующее утро выехал из столицы через совершенно другие ворота, нежели собирался...

Комендант настоял, чтобы гости слегка передохнули с дороги и разделили с ним легкую трапезу.

– Появляться там прежде заката все равно бесполезно, господа. Занятия и эксперименты в университете продолжаются до захода солнца, Впрочем, многие и после него, но ректор, как правило, освобождается как раз к закату. А насмотреться на местные диковины вы еще успеете.

Так что Трой и остальные провели два часа в кабинете коменданта, расположенном в дальней башне.

Когда солнечный диск коснулся вершушек величественного леса, окружавшего замок, барон Арвендейл и товарищи, оставив коней, навьючили на себя дорожные сумки и двинулись в сторону Столпа. Пока они спускались и ехали через лес к этой крепости у подножья Столпа, идш, Глав и Арил наперебой рассказывали Трою о том, как наверх доставляют грузы и людей. Оказалось, это делает сам Столп. Достаточно войти внутрь его сияния, как ты начинаешь медленно подниматься вверх. А на самом верху горы гномами был построен широкий пологий пандус, обвивающий Столп тремя витками. И сейчас Трою (а Впрочем, всем пятерым, поскольку никто до сих пор не был в университете и рассказы были с чужих слов) предстояло испытать, как это все происходит, на себе.

Они остановились у подножия Столпа. Комендант, оставшийся проводить гостей, ободряюще улыбнулся и несколько отвлеченно заметил:

– Некоторых людей, поднимающихся в Столпе первый раз, нам приходится привязывать, а то были случаи...

Подобный намек тут же заставил побратимов поторопиться.

– Лучше встать вокруг и шагнуть одновременно, господа. А то, если помешкать, то ноги одного могут оказаться напротив лица другого.

Побратимы переглянулись и, рассыпавшись вдоль сияющей поверхности, кажущейся такой твердой на вид, повернули головы в сторону Троя. Трой вежливо поклонился коменданту, повернулся к Столпу и, изо всех сил распахнув глаза (потому что они так отчаянно старались зажмуриться), кивнул:

– Пошли.

Глава 4

Учитель

Трой взбежал по узкой витой лестнице и вошел в высокий чертог, потолки которого уходили ввысь на высоту четырех, а то и пяти человеческих ростов. Вдоль правильной окружности его стен тянулись полки, уставленные тяжелыми книгами в кожаных переплетах, тубами со свитками и картами, кожаными футлярами с неоконченными рукописями и набросками. Ну а вокруг всех этих полок полого змеилась узкая лесенка без перил, растянутая между двумя огромными бронзовыми кольцами, одно из которых было прикреплено к полу, а другое к потолку. Так что если надо было взять какую-нибудь книгу, то достаточно было потянуть лесенку, и она послушно подъезжала к нужному стеллажу. Эта лесенка явно была созданием не людских рук. Во-первых, люди сделали бы ее заметно шире и непременно приделали бы перила, поскольку удержаться на ступеньках шириной в полступни было нелегкой задачей, а упасть с лестницы, которая доходила почти до потолка, еще то удовольствие. Ну и, во-вторых, совершенно было непонятно, как мастера сумели заставить узкую змею лестницы, кольцом обвивающую библиотеку по периметру, не прогибаться. Однако здесь, в университете, было так много вещей, сделанных явно не

человеческими руками, что Трой уже давно перестал удивляться.

Он провел в университете уже полгода. И даже не заметил, как прошло это время. Первоначально Трой рассчитывал задержаться здесь не больше чем на пару недель, максимум месяц. То есть, конечно, задача обучить какого-нибудь из магов университета каррхамскому языку за месяц на первый взгляд выглядела невыполнимой. Но идя все уши ему прожужжал о том, что существуют заклинания, способные обострить память человека практически до предела, так что он будет намертво запоминать все, что только ни услышит... или просто перестанет забывать, потому что на самом деле человек и так намертво запоминает все, что услышит, увидит, понюхает... только большую часть информации сразу забывает. А помнит только малую часть... Короче, Трой не совсем разобрался в мудреных объяснениях идя, но главное понял. А именно – с помощью заклинаний можно в совершенстве выучить совершенно незнакомый язык за пару недель. Вот на эти пару недель он и рассчитывал. Но вышло по-другому...

К тому моменту, когда Столп поднял их до верхнего пандуса, все уже немножко освоились с таким необычным способом передвижения. То есть, конечно, по-прежнему было жутковато медленно плыть вверх в призрачном радужном сиянии, прекрасно видя сквозь него, как уплывают вниз стены замка, верхушки могучих деревьев, а затем и тот обрыв, с которого они недавно спустились, а под ногами – ничего... но с этой жутью уже как-то свыклись, а тут новое испытание – шагнуть вперед, оперевшись ногами на это самое ничего. Тут-то и стало понятно, почему пандус имеет три витка, а не один. На первом витке все как один замешкались. На втором Трой, собравшись с духом, сделал-таки шаг вперед и оказался уже по ту сторону, снаружи Столпа. Все остальные вывалились из Столпа на третьем, последнем витке. Все как один были мокрыми, как мыши, с вытаращенными глазами и сбившимся дыханием, будто только что преодолели эти несколько сотен ярдов вверх, не вися в сиянии Столпа, а карабкаясь по отвесной стене. Трой, выглядевший явно не лучше своих товарищей, но сейчас уже немного оклемавшийся, сразу после того как покинул Столп, окинул свое войско насмешливым взглядом и снисходительно кивнул:

– Ладно уж, пошли...

Сразу за пандусом их встретила небольшая толпа людей.

– Комнаты, господа, прекрасные комнаты...

– Комнаты и ужин, недорого...

– Комнаты в ближайшей к университету таверне...

– Две комнаты по цене одной, господа, отличный вид из окна.

Трой затормозил, слегка ошалев от такого натиска, но тут вперед выдвинулся идш, и толпа заметно скисла.

– А недорого это сколько?

– Да вам-то что, – буркнул кто-то, – небось у Аарона остановитесь.

– Может, у Аарона, – расплылся в ухмылке идш, – а может, и нет. Так сколько?

– Ну... девять золотых за ночь, – рискнул кто-то. По-видимому, это была неслыханная цена, поскольку большинство тут же уставилось на предложившего. Для Троя она действительно была неслыханной, поскольку даже в Эл-Северине, самом дорогом городе, в котором он побывал, стоимость ночи в очень приличной таверне редко доходила до одного золотого. Но тут, видимо, действовали другие законы...

– Идет, – рявкнул идш и расплылся в довольной улыбке. Арил и Глав недоуменно уставились на него.

– Ты чего, с ума сдвинулся? Девять золотых за ночь! Это ж...

– Самая низкая цена, которую предложили здесь вновь прибывшим, – гордо произнес идш, – да ты сам погляди.

Толпа быстро рассасывалась, причем большинство расходилось, укоризненно поглядывая на хозяина, предложившего комнату за девять золотых, а некоторые даже злобно крутили пальцем у виска. Да и сам хозяин выглядел несколько уныло. Совсем не как человек, только что заработавший кучу денег. Короче, картина была настолько наглядной, что Глав удивленно покачал головой.

– Ну и цены здесь...

– А то, – вздохнул идш, – я и сам, когда первый раз услышал, едва не подавился.

– А может, у этого твоего Аарона...

– Да нет, – отрицательно мотнул головой идш, – Аарон берет с единоверцев по десять, а с остальных по пятнадцать. Но дядюшка говорит, что он ортодокс, значит, вполне может не признать меня единоверцем.

– Это почему? – удивился Глав.

– Ну... одет неправильно, не всегда питаюсь кошерно, посты соблюдаю от случая к случаю, опять же работаю по субботам.

– Да уж, по субботам особенно, – ехидно заметил Арил.

– Э-э, ты не понимаешь. У нас по субботам запрещено просто влезть на коня и проехать пару миль, даже нагнуться за валяющимся под ногами кошельком...

– Да неужто! – одновременно удивились Глав и Арил. – Надо проверить.

Идш ехидно сощурился и произнес самым невинным тоном:

– Вы забыли, я работаю по субботам.

И все расхохотались...

К ректору в тот вечер они так и не попали. Как потом выяснилось, Императорский ковен, главой которого и являлся ректор университета, проводил в тот вечер какой-то важный эксперимент на вершине башни Эрникарты, третьей из Сумрачных сестер, одной из немногих башен университета, построенных уже во времена владения людей и одной из тех, которые видны всегда. Так что перед ректором Трой предстал только утром.

Комендант оказался прав – утром и днем у ректора всегда было много дел, так что первая аудиенция оказалась короткой. Ректор прочитал письмо императора, задумчиво хмыкнул, вызвал какого-то молодого мага и, представив его Трою, сообщил, что тот будет, с одной стороны, учиться у уважаемого барона языку каррхамов, а с другой – постарается раскрыть, в какой области уважаемый барон имеет наибольшие магические таланты.

Спустя две недели, когда маг уже вполне прилично болтал по-каррхамьи, но так и не смог обнаружить у Троя никаких особых талантов к магии, его снова вызвали к ректору. На этот раз у него сидел маг постарше, одетый в гораздо более богатую мантию. Ректор представил их друг другу, сообщив, что маг является деканом факультета прорицания и ясновидения, и теперь ректор предоставляет Троя его заботам. К тому же у декана есть несколько аспирантов, которых тоже необходимо научить каррхамскому.

За последующие два месяца Троя пытались научить всевозможным магическим заклинаниям простым, и не очень. Его также пытались научить видеть ауры, различать, к каким магическим школам принадлежат амулеты, чувствовать и устанавливать простые охранные, предупреждающие и воспреещающие заклятия и тому подобное. Результатом стало заключение декана о том, что уважаемый барон Арвендейл не имеет абсолютно никаких способностей к магии.

Во время следующей встречи ректор долго, задумчиво листал резюме, представленное деканом, в котором было расписано, что и как делалось с целью обнаружения у господина барона магических способностей и каковы результаты этих действий, после чего отложил его в сторону и внезапно объявил, что решил сам заняться Троем. И вот уже более трех месяцев Трой регулярно приходил сюда в Башню Зари, в которой располагались апартаменты ректора...

Дверь, расположенная в дальнем конце библиотеки, распахнулась, и в библиотеку величественно вошел сэр Игреон Асвартен, глава Императорского ковена, ректор университета и пэр империи. Трой склонился в глубоком поклоне (каковые давались ему теперь с большим изяществом и легкостью, чем полгода назад).

– А, Трой... уже здесь. Ты прочитал те свитки, на которые я рекомендовал тебе обратить внимание в среду?

– Да, учитель.

Ректор столь же величественно проследовал к массивному креслу с высокой спинкой, установленному рядом с камином за не менее массивным рабочим столом, все так же величаво опустился в него, поставив ноги в бархатных, расшитых жемчугом туфлях на маленькую скамеечку и откинулся на спинку.

– И что же ты думаешь обо всем изложенном?

Трой нахмурился:

– Я не во всем разобрался, учитель...

– Это и не возможно, – улыбнулся Игреон Асвартен, – уж не знаю, насколько я авторитетен в твоих глазах, но скажу тебе по секрету, что даже я не во всем разобрался. Так что не стесняйся, ибо понимание возможно лишь до тех пор, пока существует непонимание. А как только ты решишь, что все понял, так сразу же перестанешь понимать...

Трой еще сильнее наморщил лоб, пытаясь разобраться в том, что ему только что сказал учитель. Ректор с улыбкой наблюдал за ним.

– То есть, учитель, вы хотите сказать, что как только я решаю, что понял, я этим своим решением останавливаю процесс дальнейшего понимания? Или просто перестаю понимать?

– И то, и другое, Трой, и то, и другое. Если ты в какой-то момент самонадеянно решишь, что понял уже все и больше понимать тебе нечего, то именно в этот момент ты и останавливаешь свое развитие понимания того, над чем размышлял, и обрубаешь для себя возможность понять больше, чем ты уже понял, а это значит, что ты больше не можешь приблизиться к истинному пониманию.

– Но ведь есть вещи, которые понять достаточно просто.

– Например?

– Ну... штаны.

Игреон Асвартен усмехнулся:

– Что ж, давай попробуем понять, что же такое штаны. Итак...

Трой потер лоб. С одной стороны, чего тут понимать – штаны и штаны, а с другой...

– Ну, штаны, это... кусок материи... сшитый, как две трубы... то есть снизу, а сверху, как одна... ну чтобы... – он запнулся.

– Вот видишь, – мягко заговорил ректор, – ты считал, что понимаешь, что такое штаны, а когда попробовал объяснить свое понимание... – и он развел руками. – А ведь между тем ты еще даже не приблизился и к первому кругу понимания. Для чего они нужны? Почему, скажем, штаны, а не юбка? Что такое штаны для дворянина, для простолюдина, для кузнеца, для вора?

– Да если так со штанами, то голова совсем кругом пойдет... а ежели еще и с рубашкой и кушаком, так вообще... – махнул рукой Трой.

– Ты прав, – усмехнувшись, кивнул Игреон Асвартен, – именно поэтому ты найдешь... м-м-м, чрезвычайно мало людей, напряженно работающих над пониманием того, что есть штаны. Однако есть вещи, научиться пониманию которых необходимо, если ты, конечно, хочешь стать истинным человеком, а не двуногим прямоходящим существом, владеющим тем, что с большой натяжкой можно назвать членораздельной речью.

Трой густо покраснел, решив, что это камень в его огород. Но учитель отрицательно качнул головой:

– Да нет, я не о тебе. Ты-то как раз все больше ей овладеваешь, причем все быстрее и быстрее, что меня только радует. Но сколько вокруг нас тех, кто даже не подозревает, что для того, чтобы по праву называться человеком, необходимо очень и очень потрудиться. Причем, к сожалению, таковых немало и среди благородного сословия... впрочем, давай на этом прервемся. Просто запомни, что для некоторых вещей в большинстве случаев действительно достаточно

самого элементарного, я бы назвал это – инстинктивного понимания. А для других нет. Но если у человека нет привычки развивать свое понимание, причем опираясь именно на осознанное непонимание, то он не сможет понять того, что возможно или даже, необходимо, а значит, будет обречен все время удивляться – как это? Почему это с ним произошло? И отчего это с ним случилось? За что это на него обрушилось? Да что это за напасти?.. А ведь иногда, чтобы избежать многих вроде как неожиданных нападений, достаточно вовремя не понять, почему на этом человеке такие штаны...

Трой медленно кивнул:

– Я понимаю, учитель.

– Вот и хорошо. Итак, вернемся к тем свиткам. Что ты уже начал понимать?

Трой вновь наморщил лоб:

– Благородство не суть что-то непременно присущее тем, кого называют благородным сословием. Зародыш благородства существует в каждом человеке. И каждый может развить его в себе. Каждый имеет шанс стать благородным... но учитель, если это так – я не понимаю, зачем тогда существует разделение на благородных и неблагородных?

– А зачем существуют кузнецы?

Трой недоуменно уставился на Игреона Асвартена. Станный вопрос. Учитель шутит?.. Но тот был совершенно серьезен.

– Ну... ответь мне, зачем существуют кузнецы?

– Чтобы ковать оружие... и разные другие вещи.

– А ткачи?

– Чтобы изготавливать ткань?

– А что было бы, если бы у нас не было кузнецов? Вот таких специальных людей, умеющих работать с металлом, знающих секреты своего мастерства, передающих его из поколения в поколение?

– Как это?

Игреон Асвартен пожал плечами, давая понять, что путь для него не важен, он предлагает рассмотреть факт, пусть совершенно условный. Трой задумался.

– Ну... не знаю. Наверное, мы остались бы без оружия и других вещей из металла... или нет, каждый бы пытался делать их для себя.

– И как, это был бы лучший путь?

Трой покачал головой:

– Да нет... явно худший.

Игреон Асвартен улыбнулся:

– Вот видишь, ты сам и ответил на свой вопрос.

Трой несколько мгновений напряженно раздумывал над содержанием разговора, а затем его лицо просветлело.

– Значит, благородные нужны, чтобы... – Он запнулся, но ректор согласно кивнул и продолжил его мысль:

– Именно! Благородные семьи, владетельные рода предназначены богами прежде всего для того, чтобы воспроизводить благородство. Запомни это, Трой. Не властвовать над другими – это всего лишь побочное занятие, вытекающее из обладания благородством, не блистать и развлекаться – это вообще не занятие, это пена, род кича, присутствующий в любом занятии людей. Художники, лицедеи и менестрели любят экстравагантно одеваться, воины кичатся силой и грубостью, торговцы – богатством, причем этому зачастую подвержены даже самые достойные из них. Но это всего лишь пена. Правда, многим из тех, кто не привык задумываться над сутью вещей, видно лишь ее... – ректор вздохнул, –

надеюсь, ты смог разобраться с тем, что такое благородство.

– Да, мудрейший, – кивнул Трой, – мне кажется, я понимаю, но я так же понимаю, насколько ваше понимание глубже и обширнее моего. И я осознаю свое непонимание, потому прошу вас поделиться со мной своим пониманием...

– Ну что ж, – учитель облокотился на подлокотник, – тогда, если позволишь, сначала я пройду по азам и прошу извинить меня, если еще раз повторю то, что ты уже знаешь... Благородство – это умение так строить свою жизнь, что каждая мысль, каждый поступок все шире раскрывают в тебе божественную сущность, которая вложена в тебя Небом, дисциплинирует и умиряет твою животную составляющую. Благородство нельзя выучить, как букварь или таблицу умножения, по нему нельзя раз и навсегда сдать экзамен, чтобы получить отметку и забыть о том, чему тебя научили. Нельзя прекращать воспитывать в себе благородство. Даже если все вокруг будут уверены в том, что ты и есть настоящий образец благородства, не забывай работать над собой, ибо как только ты остановишься, то сразу же начнешь откатываться назад, вниз, к низшему и животному началу... Человеку свойственно руководствоваться в поступках выгодой. И это вполне естественно. Более того, чаще всего это достойно и должно. Но если ты хочешь по праву называть себя человеком, то выгода всегда должна быть продиктована благородством. В большинстве случаев это не означает никаких особых различий в делах и поступках – ты имеешь право поступать так, как тебе выгодно и будешь это делать. Но иногда ты встаешь перед выбором – получить выгоду, часто большую, а иногда просто чудовищную, либо... остаться человеком. И именно благородство позволит тебе сделать должный, верный выбор и действительно остаться тем, кем ты являешься на самом деле. Потому что чаще всего тот, кто сделал неверный выбор, все равно продолжает считать себя благородным человеком. Он думает, что ему просто улыбнулась удача, поэтому он успешен. Но люди знают, с кем они имеют дело, хотя сам человек не подозревает об этом.

– Но... разве ему никто об этом не говорит, учитель?

– Часто нет, потому что те, кого он слушает и кому верит, часто и сами утратили способность взнуздывать выгоду благородством, поэтому так же слепы, как и он. А иногда человек просто не верит в то, что ему говорят. Считает, что те, кто так говорит, завидуют его успеху, богатству, власти.

Трой понимающе кивнул. Между тем ректор продолжил:

– Людям свойственно стремиться к благородству, пусть во многом и инстинктивно. Большинству из нас достаточно образцов поведения. Если благородные ведут себя сообразно своему положению, то большинство просто следует их примеру, получая удовлетворение от того, что поступают так, как должно поступать истинному человеку, опять же не всегда осознавая этого. Впрочем, в стремлении к подражанию таится и опасность. Потому что если те, кого мы считаем достойными для подражания, а это могут быть люди более знатные, более удачливые или просто более известные, вдруг начинают вести себя низко и сие не находит резкого пресечения, многие из простых людей отбрасывают благородство и начинают вести себя не менее низко. А вокруг удивляются – как же так? Эти простые, честные люди, еще не так давно являвшие всем вокруг образец благородства и порядочности, внезапно начинают лгать, воровать, отнимать у более слабых их имущество... а все дело в том, что их благородство было подражательным. Они не сумели воспитать внутри себя необходимую опору для истинного благородства, а тут на передний план вышли совсем иные образцы для подражания... Другие, таких гораздо меньше, способны создать и воспитать в себе истинное благородство. Именно они составляют благородное сословие. Во всяком случае, их большинство.

– А если благородное сословие перестанет... воспроизводить благородство?

Игреон Асвартен улыбнулся, но эта улыбка была грустной.

– Тогда оно исчезнет. Быстро или не очень, мирно или в буре войн и мятежей, но исчезнет. Так же как исчезнут, скажем, кузнецы, если люди научатся обходиться без металла или придумают машины, способные работать с металлом лучше, чем они. Но... это будет очень печально. Потому что тогда каждому из людей придется научиться выращивать в себе благородство самостоятельно. А без образцов это получится не у всех. Нет, благородство не исчезнет, более того, окончательно не исчезнут и образцы. Ведь даже в том, придуманном нами мире без кузнецов, где все работают по металлу сами для себя, обязательно будут люди, у которых это будет получаться лучше, чем у других. Но... когда я представляю это общество – меня охватывает печаль. Возможно даже, оно будет более богатым, ибо люди явно будут получать там большую выгоду. Но большинство людей в нем будет гораздо ближе к животным, чем к Небу. И я не решаюсь даже предположить, чем может это все кончиться. Я просто не в силах представить себе то жирное, обрюзгшее, ленивое и тупое существо, привыкшее жевать и предаваться самым простым и крайне незамысловатым удовольствиям, в которое, в конце концов, превратятся подобные люди. По существу, это будут

человекоподобные орки... – ректор передернул плечами от отвращения.

Впрочем, и у самого Троя описанное существо вызвало подобные чувства.

– Поэтому человечеству необходимо благородное сословие. Так как именно оно, подобно цеху кузнецов или ювелиров, сохраняющих тайны работы с металлом и драгоценными камнями, таит в себе тайны воспроизводства благородства. Множит его. Ты спросишь, почему именно оно? Если с молодых ногтей тебя готовят к бремени благородного человека, если вдоль лестницы, по которой ты поднимаешься в свою спальню, висят портреты предков, каждый из которых явил миру хотя бы один поступок, являющийся образцом благородства, а многие создали подобный образец всей своей жизнью, если ты знаешь, что твои братья, сестры, дядюшки и тетушки и сам император, будут оценивать не только твою внешнюю красоту, ум, образование, сколь то, насколько ты благороден, то у тебя не слишком много шансов вырасти неблагородным... – тут учитель вздохнул, – Впрочем, мы знаем и иные примеры... И если их число будет множиться, то все мы приходим к тому печальному концу, который уже обсудили. Но от этого есть лекарство. Я говорю о возможности пополнять благородное сословие людьми иных сословий, сумевшими воспитать в себе благородство. И мы уже давно идем этим путем. Правда, – тут губы ректора тронула усмешка, – среди определенной части благородного сословия существует убеждение, что благородство может передаваться только по крови. Но если принять их точку зрения, то тогда придется объявлять дворянами многочисленных отпрысков служанок, молочниц, кухарок, в свое время с удовольствием принимавших... знаки внимания своих господ. Либо, наоборот, исключить из него добрую половину отпрысков конюхов, поваров, объездчиков или музыкантов, с радостью принятых в супружеских постелях, пока их хозяева травили зверя или пребывали на поле брани.

Трой хмыкнул:

– Как-то не очень вяжется с благородством.

Ректор пожал плечами:

– Возможно, но ты удивишься, если узнаешь, сколь много из тех, кто ратует за чистоту крови, как раз из числа таких. Но большинство благородных вполне осознает, что есть истинное благородство, и поддерживает пополнение наших рядов подобными людьми. Да ты и сам мог ощутить на себе это отношение.

Разве тебя кто-то посмел попрекнуть тем, что ты не урожденный барон? Хотя, можешь мне поверить, некоторые из тех, кто тебе улыбался, делали это скрепя сердце... Однако, – Игреон Асвартен повернулся и бросил взгляд на клепсидру, стоящую на каминной полке, – время обеда... знаешь, я намеренно оставил этот разговор напоследок, Трой. Да-да, именно напоследок, ибо вскоре, возможно даже завтра, ты нас покинешь.

– Но...

– Не волнуйся, – улыбнулся Игреон Асвартен, – я сумел отыскать твой дар. И скажу тебе – он чрезвычайно мощен. Настолько, что в одной, пусть и довольно узкой области он едва ли не равен мощи императора. Точно установить невозможно, поскольку никто никогда не измерял мощи императора... Так что ты являешься одним из самых талантливых и могучих магов империи.

Глаза Троя ошеломленно распахнулись.

– Однако, – продолжал между тем ректор, – должен тебя предостеречь. Для того чтобы использовать его наиболее эффективно, ты должен держать его в тайне. Ибо если недруги будут знать о его существовании, они смогут нейтрализовать его или просто избрать другие способы навредить тебе, которым твой дар не сможет воспрепятствовать. Ты понял меня?

– Да, учитель, – кивнул Трой, – только я и сам еще не знаю, в чем он заключается.

– Ну, это легко выяснить. Встань и иди за мной.

Игреон Асвартен поднялся с кресла и двинулся в сторону яркой мозаики, выложенной в углу справа от камина. Трой знал, что там располагался портал в личную мастерскую ректора. Он сам был там всего два раза, когда учитель обследовал его с помощью каких-то приборов и мощных заклинаний, использовать которые в недостаточно защищенных помещениях было опасно. Легкое помутнение в глазах, и вот они уже стоят посреди большого зала, одну половину которого занимал огромный – три на семь ярдов – стол, другая была расчерчена линиями защитных пентаграмм.

– Доверяешь ли ты мне, мой ученик? – внезапно повернувшись к Трою, спросил Игреон Асвартен.

– Да, конечно, учитель, – несколько растерянно ответил Трой.

– Тогда встань в центр алой пентаграммы и ничему не удивляйся.

Трой послушно занял указанное место. Игреон Асвартен закатал рукава мантии и, протянув руку, надел на правое предплечье массивный браслет какой-то весьма сложной формы, затем он взял ярко начищенный бронзовый шар, подошел к Трою и протянул ему этот предмет.

– Держи.

Трой стиснул шар.

– Нет, возьми его сверху, причем не сжимай сильно, просто не выпускай из рук. Старайся держать его перед собой на расстоянии вытянутой руки.

Трой послушно взял шар, как было велено. Ректор вернулся к столу, взял с него очки из тонких обсидиановых пластин и надел их. Затем воздел руки вверх и сомкнул ладони. Между ними мгновенно возник шар яркого пламени. Игреон Асвартен начал медленно разводить руки в стороны. Шар рос, рос, пока, наконец, не стал размером с человеческую голову. Это был фаербол, но очень большой и мощный. Ректор замер, а затем резко опустил руки. Фаербол метнулся вперед и ударил прямо в Троя...

Глава 5

Герцог Эгмонтер

Герцог Эгмонтер был вне себя от бешенства. Всем его столь долго и тщательно разрабатываемым планам грозил полный провал. И почему? Потому что сопливой девчонке, которая до того времени столь послушно следовала в отведенном ей его планами русле, вдруг вздумалось взбрыкнуть и проявить характер. Где, где он успел упустить момент? Нет, конечно, он был вынужден на некоторое время покинуть столицу. В конце концов, домен требовал внимания к себе, да и

поиски, теперь, после того как он лишился... столь полезных вещей, отнимали гораздо больше времени и усилий, но ведь он все предусмотрел, заранее удалив от нее тех, кто мог бы помешать его планам. Умело рассорив с ней одних, прозрачно намекнув другим и максимально развенчав в ее глазах третьих. Более того, он позаботился о том, чтобы на все время его отсутствия она была максимально занята интригой с графом Лагаром, умело создав напряжение между ними... казалось все, все было предусмотрено – и вот какой результат!

Герцог широкими шагами мерил свой кабинет, который он устроил в арендованном доме, расположенном на северо-востоке Эл-Северина, в одном из самых престижных кварталов столицы. Все началось так прекрасно, в полном соответствии с разработанными планами. Он годами собирал сведения о каждой из будущих фигур его грандиозной партии. Он изучал их – выявлял, чем привлечь одну, что ждать от другой, как затянуть в свои сети третью, как повернуть дело таким образом, чтобы четвертая нейтрализовала пятую и шестую, причем даже не догадываясь, что выполняет его волю. Ведь люди неодинаковы. Одни родились, чтобы властвовать, другие – чтобы повиноваться властителю. Иногда сознательно, иногда – нет. Причем не так важно, какой формальный пост занимает властитель. Властитель – рожден, дабы властвовать. И он всегда будет властвовать, даже если формальные полномочия, косность одних или интриги других будут препятствовать этому. Ибо он рожден для власти, а власть предназначена для него... Нет, конечно, чем больше пост, тем больше возможностей, но... для каждого поста важно созреть, сплести паутину, устроившись в центре которой, можно будет, не опасаться происков врагов. А позже можно двигаться выше, к новым возможностям. Осторожно управляя нитями паутины и создавая условия, когда новый пост и новые возможности сами упадут тебе в руки...

И вот такое фиаско! Причем из-за чего?! Ладно бы его переиграли! Ладно бы иной, не менее умелый властитель, коему право властвовать принадлежит по праву рождения, сумел бы реализовать тонкий план, своим мастерством приведшем бы герцога Эгмонтера в восхищение. Он бы смирился и даже, возможно, поблагодарил бы искусного противника за хорошую школу. Мысленно... Так нет же! В его планы вмешалась обыкновенная... похоть, зов плоти... то, что возвышенные романтические натуры столь наивно именуют любовью...

– Господин?..

Герцог резко развернулся. На пороге кабинета стоял Беневьер. Герцог Эгмонтер нахмурился. О боги! Неужели он настолько разнервничался, что забыл установить охранные заклятия? Герцог сердито сверкнул глазами (с удовлетворением заметив, как Беневьер подался назад, а в глубине его глаз появился отблеск страха), указал вошедшему рукой в сторону небольшого дивана, раздраженно сорвал с левой руки перстень и, надавив на выступающий камень, бросил его на стол. Свернутое внутри камня мощное охранный заклинание развернулось и, мгновенным броском преодолев расстояние до пола, стен и потолка, ужом ввернулась между мельчайшими частицами, которые составляли саму их основу, оно растянулось невидимой сетью и замерло, поджидая неосторожную жертву. Беневьер, сквозь которого пролетело это заклинание, почувствовал его холодную и безжалостную силу и внутренне содрогнулся, представив, что может случиться однажды с тем, кто неосторожно подвернется под раздраженную руку герцога. А поскольку среди нескольких сотен тысяч жителей и гостей блистательной столицы империи кандидатов на такое наблюдалось раз-два и обчелся, у Беневьера противно засосало под ложечкой.

– Ну, что ты узнал?

Беневьер покаянно пожал плечами:

– Не слишком много, господин... раньше вы давали мне гораздо более четкие указания...

– Заткнись!

О-го-го, в голосе герцога появились истеричные нотки. И причиной их явно был не Беневьер. Верный слуга герцога насторожился, жизнь научила его тому, что любые крупницы информации о том, что можно назвать болевыми точками того, от кого зависит твоя судьба, являются чрезвычайно ценными для твоего собственного выживания.

– Говори... и побыстрее.

Беневьер поспешно заговорил. Герцог слушал, нетерпеливо постукивая носком сапога о ножку стола. Желваки напряглись на его лице. О боги, как ему сейчас не доставало тех артефактов, что пожрали друг друга на алтаре, расположенном

на вершине башни Гвенди! С ними все его сегодняшние проблемы были бы решены в мгновение ока... ну не все, но многие. А тут уж ничего не попишешь. Тьма и Свет обретают наивысшую силу только встречаясь друг с другом. Тьма во Тьме и Свет в Свете немногого стоят, как талантливый человек, лишенный возможности применить свои таланты. Но когдаводишь вместе столь непримиримые противоположности, будь готов к тому, что однажды твоё влияние и способности держать их в узде окажутся недостаточными. И они уничтожат друг друга...

– Ладно, хватит, вижу, что ты ничего не добился! – губы герцога искривились в раздраженной гримасе. – Ты разочаровал меня Беневьер, сильно разочаровал...

Бывший вор напрягся, пытаясь понять, чем готовится одарить его окающая судьба и как можно вывернуться из её когтистых лап на этот раз.

– И это заслуживает серьёзного наказания... – Герцог замолчал, окинув Беневьера испытующим взглядом. Тот понимал, что против герцога у него нет никаких шансов, но извечная привычка воспитанника городского дна – цепляться за жизнь до последнего вздоха взяла своё. Мышцы Беневьера напряглись, готовые отбросить тело в сторону, а пальцы сами собой сомкнулись на рукояти потаённого ножа, слуга герцога готов был метнуть его в сторону потенциальной опасности. Судя по всему, все эти инстинктивные движения не укрылись от внимательного взгляда герцога, поскольку его губы тронула легкая усмешка – полупренебрежительная, полупрезрительная, усмешка человека, ясно осознающего, что любые потуги возможного противника не добавляют ему ни единого шанса.

– Ну да ладно... ты верно служил мне долгое время. Поэтому я дам тебе шанс исправиться. Это будет очень непростой шанс... но ты большой ловкач, и у тебя будет возможность вывернуться и из этой ситуации. Я в этом не сомневаюсь.

Беневьер замер. Похоже, на этот раз ему предстояло нечто совершенно необычное. По-видимому, все его мысли тут же отобразились на его лице (вот Тёмные боги, надо же было так распустить нервы...), потому что герцог насмешливо кивнул:

– Да, на этот раз тебе будет гораздо сложнее справиться с моим поручением, чем прежде. Ибо меня не слишком интересует, останешься ты в живых или

погибнешь. То есть для тебя самого было бы лучше остаться в живых и вернуться ко мне, дабы я смог вновь вернуть тебе твой любимый истинный облик, но если ты умрешь... что ж, значит, ты окажешься не столь ловким, как я тебя себе представлял. Но на моих планах это никак не отразится.

Облик?! Так его собираются превратить в кого-то другого?!! Возможно даже в зверя!!! Беневьер перепуганно дернулся и... он готов был поклясться всеми Светлыми богами, что его руки и ноги сработали сами собой. Метательный нож с быстротой молнии устремился к черепу герцога Эгмонтера, а тело бывшего вора с отчаянной стремительностью метнулась к закрытым портьерами окнам... вернее, попыталось метнуться. Последнее что он запомнил, был его собственный нож, неподвижно зависший в воздухе в полудюйме от выпустившей его руки и черная сеть заклинания, метнувшегося к нему из толщи стен. А может, это ему только показалось...

Когда Беневьер пришел в себя от дикой боли, пронзившей все его тело, он обнаружил себя на полу. Он лежал обнаженным, на грубых, холодных плитках пола. Бывший вор попытался пошевелиться, раскрыть глаза, но от этого голову пронзила острая боль.

– Уже очнулся? Да ты невероятно живуч, мой раб, – голос герцога был холоден и насмешлив, – пожалуй, у тебя действительно есть шанс выполнить мое поручение и вернуться.

Беневьер замер, пытаясь обмануть боль, а затем разлепил ставшие такими непослушными губы и произнес:

– Госпо... – и тут же испуганно замолчал. Потому что это был не его голос!

– Привыкай, мой Беневьер, – насмешка в голосе герцога зазвучала сильнее, – теперь ты говоришь этим голосом. Но не слишком увлекайся. Человека можно узнать, так же как и не узнать, не только по голосу, но и по строению фраз, любимым словечкам, привычным оборотам речи, а для меня важно, чтобы тебя опознали как человека, облик которого я тебе придал, и не опознали, как моего доверенного слугу Беневьера.

Человека... уже легче, Беневьер протянул руку и ощупал низ живота – мужчина, еще лучше.

Герцог расхохотался.

– Так вот что тебя беспокоило... не волнуйся, все причиндалы на месте и в рабочем состоянии. А сейчас заткнись и перестань шевелиться. Тебе нужно еще полчаса полежать в полном покое и недвижимым, иначе твоя голова не успеет освоиться с твоими мышцами и ты, поднявшись раньше времени, вполне можешь оказаться калекой. А это не входит в мои планы, ты понял, раб?

– Да, госпо...

– Я сказал, заткнись!

Герцог прошелся по камере (Беневьер слышал, как скрипят его сапоги), остановился и заговорил. Голос его звучал глухо, но, судя по всему, он и не обращался к Беневьеру.

– Значит, милая моя, ты вздумала противиться мне. Я долго ждал, что ты образумишься, я терпел твои отказы, все те глупости, что ты совершала, я был снисходителен к твоим бредням и увлечениям, но вчера...

Беневьеру показалось или герцог действительно скрипнул зубами...

– Что ж, раньше я был к тебе благосклонен, я старался не причинить твоей фигуре на моей доске особенной боли. Но ты не вняла! Так что теперь я буду двигать твою фигуру так, чтобы ты на себе почувствовала, каково это – противиться тому, кто постиг искусство двигать людьми, будто пешками, и сумел создать свою собственную доску для своей игры!

Если бы Беневьер не был столь вышколен и чувствовал себя хоть немного лучше, он бы понимающе присвистнул. Так вот в чем дело! Вот чем вызвано бешенство герцога. Похоже его, так сказать, нареченная невеста оказалась слишком своенравной и не пожелала покорно играть роль, уготованную для нее герцогом. Бедная девочка...

Вновь заскрипели сапоги, и спустя мгновение над головой Беневьера раздался голос герцога:

– Так вот, слушай. Пока ты будешь лежать, я расскажу тебе, что и как ты должен сделать. Итак, запомни, отныне тебя зовут Левкад, ты должен пробраться в Науфгросский монастырь сестер-помощниц и отравить одну из сестер по имени Тамея...

– Ну что, господин барон, теперь все – в путь?

Трой молча кивнул, пожал протянутую руку коменданта и через мгновение был в седле. Арил, идш, Глав и крестьянин в свою очередь тоже были в седлах.

– Ну слава богам, – пробормотал идш, – наконец-то. А то совсем уж закисли, да и деньги бы поберечь...

Трой ничего не ответил. Он все еще находился под впечатлением того, что ему рассказал Игреон Асвартен...

Когда фаербол устремился ему в лицо, Трой напрягся изо всех сил и стиснул зубы, чтобы удержаться и не отпрыгнуть в сторону. Нет, он, конечно, верил учителю, но фаербол прямо в лицо, да еще такой огромный и пышущий жаром, это, знаете ли... Полыхнуло так, что Трой на некоторое время ослеп, кожу на лице нестерпимо жгло, глаза слезились. Когда он, наконец, пришел в себя, Игреон Асвартен стоял прямо перед ним, сложив руки на груди, и смотрел прямо на Троя. Тот некоторое время прислушивался к своим ощущениям, ясно осознавая, что все, что проделал учитель, имело некий смысл, но этот смысл от него ускользнул.

– Ну? – нетерпеливо спросил учитель.

– Что, учитель? – осторожно переспросил Трой.

– Вы поняли, уважаемый барон, в чем заключается ваш дар?

Когда учитель начинал называть Троя «уважаемый барон», это означало, что он сердится. Но на что он сердится на этот раз, пока оставалось для Троя загадкой.

– Нет, учитель.

– Посмотри под ноги.

Трой опустил глаза. В полушаге от носков сапог на полу валялся раскаленный кусок металл.

– Видишь, что случилось с бронзовым шаром?

Трой несколько мгновений смотрел на раскаленный кусок, а затем поднял на учителя ошеломленный взгляд.

Игреон Асвартен медленно кивнул:

– Да, именно так. Я швырнул в тебя фаербол, чудовищно большой и мощный фаербол, вся мощь которого, благодаря пентаграмме оказалась сосредоточена внутри нее... и что? Что ты почувствовал?

– Ну... было горячо и... ярко. Глаза заболели, – растерянно произнес Трой.

– Ярко, глаза... да ты должен был расплавиться, как этот кусок бронзы, – усмехнулся Игреон Асвартен, – однако ты жив и вот стоишь, жалуешься... Ну теперь-то понял?

– На меня не действуют фаерболы? – осторожно произнес Трой.

– На тебя почти не действует вообще никакая магия. Помнишь, прошлый раз мы провели в лаборатории два часа, и я все время был чем-то занят, а тебя посадил вон в тот угол переписывать формулы активизации готовых заклятий. Так вот, тогда я пытался прощупать тебя заклятиями Воды и Света, но ты даже не почесался, продолжая старательно писать. Так что я думаю, на тебя почти не действует никакая магия, а также ничто иное, созданное магическим способом. Ты понимаешь, сколь силен твой дар и насколько ты защищен?

– Не до конца, учитель, – Трой с сомнением покачал головой, – и сказать по правде, даже если это и так, я предпочел бы лучше не знать об этом. Меньше вероятности проявить самонадеянность.

Игреон Асвартен удовлетворенно кивнул:

– Вижу, ты хорошо усвоил мои уроки. Во всяком случае, некоторые. Это радует... – Он снял с руки браслет, бросил его на стол и кивнул: – Что ж, пошли. Я хочу, чтобы ты выехал завтра утром. Поэтому нам надо еще попасть в хранилище. Император повелел предоставить тебе несколько хороших боевых заклятий, так что надо уважать его волю. К тому же, я хочу чтобы ты по пути завез письмо настоятельнице одного из монастырей сестер-помощниц, а мне надо его еще написать...

Когда Трой, обежав пол-университета и успев сгонять в таверну, сообщил побратимам, чтобы готовились к отъезду, и наконец снова появился в библиотеке, ректор уже закончил письмо. Вручив Трою запечатанный сургучом пенал, он приказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лига – примерно километр.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/gercog-arvendeyl>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)